

В. П. ПРОТОПОПОВ

088088

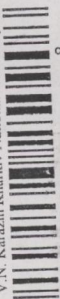
158
Психология

ПСИХОЛОГИЯ
РЕФЛЕКСОЛОГИЯ
УЧЕНИЕ О ПОВЕДЕНИИ

· НАУЧНАЯ МЫСЛЬ ·

9

V.N. Karazin Kharkiv National University

01092932

8

~~10/x1.e.~~

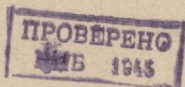
15

107

3M 5104

Проф. В. П. ПРОТОПОПОВ

ПСИХОЛОГИЯ, РЕФЛЕКСОЛОГИЯ
И УЧЕНИЕ О ПОВЕДЕНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУЧНАЯ МЫСЛЬ»

УЧР. НАРКОМЗДРАВом УССР

1990

„Библиографическое описание этого издания помещено в „Літопису Українського Друку“, Карточном репертуарі і др. указателях Української Книжної Палати“.

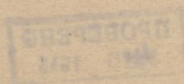
1933

ДЕРЖТРЕСТ „ХАРПОЛІГРАФ“
ПЕРША ДРУКАРНЯ
„КОМУНІСТ“
Пушкінська вул., № 31.

Укргодовліт № 328.

Зам. 2723.

Тир. 3000.

Предисловие

Интерес к изучению личности и ее поведения неослабно растет и привлекает внимание представителей разнообразных специальностей, так или иначе соприкасающихся в своей деятельности с вопросами поведения. Интерес этот проявляется не только среди научных работников, но также и учащейся молодежи. Относящаяся же к этому вопросу литература разрослась до огромных размеров, и ее весьма трудно охватить начинающему. Постоянно приходится встречаться с просьбами указать какое-либо посильное первоначальное пособие, могущее помочь разобраться в данном вопросе. Для удовлетворения этой потребности и предлагается настоящая работа, не претендующая на охват всей литературы, а долженствующая лишь послужить пособием к изучению последней.

Чтобы облегчить усвоение материала, я счел наиболее целесообразным представить последнюю в историческом ее развитии; сверх того для той же цели я сделал попытку связать многочисленные частности единой руководящей идеей, в качестве каковой поставил основным вопросом всего изложения вопрос о путях построения учения о поведении.

Основным материалом для настоящей работы послужило содержание моих докладов, зачитанных на объединенной конференции Научно-исследовательских институтов Педагогики, Психиатрии и Кафедры философии Института марксизма, имевшей место в Харькове в 1927 году.

В. Протопопов

Харьков, апрель 1929 г.

Развитие объективного направления в исследовании личности и ее поведения

I

В последние годы среди натуралистов, социологов, психологов и философов усиленно дискуссировался вопрос о методах исследования личности. Основным пунктом дискуссии, особенно горячо обсуждавшимся, являлся вопрос об исследовании той высшей деятельности, которая, благодаря наличию в ней субъективной стороны именуется психической деятельностью.

Эта дискуссия возникла в связи с появлением целого ряда новых дисциплин, которые, отвергая традиционные пути подхода к изучению личности, применявшиеся эмпирической психологией, предлагают новые направления, где и предмет исследования и методы иные. Основным предметом изучения эти новые дисциплины избирают не изолированные явления сознания, как было в эмпирической психологии, а непосредственно поведение, и определяют себя поэтому „науками о поведении“. Можно надеяться, что в результате усилий научной мысли мы стали теперь ближе к осуществлению извечного стремления познать законы поведения человека, и это столь сложное явление, до сих пор не поддававшееся точному учету, будет изучено наукой, как и всякое другое явление в природе. Но пока намечаются лишь перспективы этого будущего успеха (а сейчас мы далеки еще от конечной цели), предстоят еще долгие годы упорной, кропотливой исследовательской работы. И для успеха этой работы нам кажется вполне своевременным поставить на обсуждение ряд вопросов, которые возникают в связи с стремлением построить науку о поведении и которые до сих пор не получили еще достаточного освещения.

Первым таким вопросом следует признать наиболее естественный вопрос о том, как надо мыслить себе построение науки о поведении, если под такой наукой мы будем

разуметь такое систематизированное знание, опираясь на которое можно будет вполне овладеть поведением, т. е. точно разъяснять каждую форму поведения, а также видоизменять его в любом направлении и предсказывать его течение. Вот при таких требованиях к науке о поведении можно ли ожидать, что последняя сможет быть представленной одной специальной дисциплиной, и может ли претендовать на такую роль хотя бы одна из тех возникших дисциплин, которые определяют себя науками о поведении; или же наука о поведении может быть построена лишь в виде цикла дисциплин. Далее, не следует упускать из виду, что, помимо тех нарождающихся дисциплин, которые определяют себя науками о поведении, издавна существовал ряд наук, также изучающих с разных сторон поведение; таковы общественные науки (социология), юридические, педагогические и т. д. Возникает поэтому второй вопрос: о взаимоотношении новых и прежде бывших наук, должны ли они слиться вместе или, оставаясь самостоятельными, лишь разграничить предмет исследования между собой.

Необходимо также выяснить, нуждаются ли эти старые науки в какой-либо перестройке и в какой именно. Все эти вопросы пока остаются без должного освещения, и надлежащее разрешение их, несомненно, окажется полезным для планомерного развития науки о поведении, сверх того, оно может помочь и в разрешении других спорных вопросов, которые служат предметом дискуссии и до сего времени.

В настоящем изложении, направленном, главным образом, к усиленному разрешению проблемы построения учения о поведении, мы вынуждены будем затронуть и эти дискуссионные вопросы, как органически связанные со всей проблемой, но лишь постольку, поскольку разбор их будет полезен в разрешении основной нашей темы. В частности, мы должны будем изложить содержание новых учений и дать им критическую оценку и высказаться по поводу тех спорных вопросов, которые возникли в связи с их появлением, — главным образом, об их методе и пределах их значимости — и, исходя из этого, подойти к разрешению поставленной проблемы.

Свое изложение мы начнем с указания на то, что до последнего времени, в сущности, не было такой особой науки, которая именовала бы себя наукой о поведении и которая устанавливала бы научно обоснованные законы, на основании которых можно было, с одной стороны, понять причины любого поведения, а с другой — можно было

бы безошибочно создавать заранее намеченное поведение. В то же время издавна, как уже сказано выше, существуют многие дисциплины, которые непосредственно оперируют в той или иной форме с вопросами о поведении; так, например, педагогика имеет целью воспитание, т. е. организацию поведения; науки о праве рассматривают отклонения от обычных, принятых и требуемых социальных форм поведения и изыскивают меры борьбы с этими нарушениями; психиатрия изучает нарушения деятельности под влиянием так называемых душевных болезней и т. д.

В обыденной нашей жизни мы также постоянно сталкиваемся с вопросами, касающимися поведения, мы постоянно стараемся понять поведение окружающих нас лиц, постоянно стараемся воздействовать на них так, чтобы добиться желаемого для нас поведения; наконец, мы постоянно стремимся понять свое собственное поведение и организовать его в определенном, желаемом для себя направлении.

На какой же базе построены упомянутые науки и на чем основаны суждения о поведении в обыденной жизни?

Как показывает наблюдение, в обыденной жизни при разрешении тех или иных вопросов о поведении, большинство людей обычно руководится теми соображениями, которые отражают установившийся в обществе взгляд на природу человека. Этот взгляд, так называемый дуалистический, предполагает в природе человека два начала — душевное и телесное — и ведет свое происхождение из глубокой древности, с того времени, когда человек впервые в самой, может быть, смутной форме пытался постигнуть самого себя и свое отношение к среде.

Констатируя свои собственные действия и действия других, еще раньше и яснее он замечал свои внутренние переживания в виде разных ощущений, чувств, стремлений и т. д. Имея постоянно в себе этот внутренний мир субъективных переживаний и совершая постоянно те или иные действия, человек свел их в причинную зависимость, определяя телесные свои действия, как *следствие* своих субъективных переживаний.

Эти воззрения отчетливее всего выражены в разнообразных религиозных верованиях, основой которых служило убеждение в существовании наряду с видимым, осязаемым, материальным миром и другого — невидимого, духовного, который и есть основа всего существующего и его движущая и управляющая сила. В частности, человек наделялся бессмертной душой, которая открывается человеку в его переживаниях и которая управляет его

телом. Таким образом установилась не только дуалистическая точка зрения на природу человека, как состоящего из души и тела, но и утверждалась причинная зависимость тела от велений души и независимость последней. Религиозные верования поработили не только обыденное мышление, но было время, когда и наука находилась в рабстве религиозного мировоззрения и свои построения развивала в соответствующем направлении.

На этом нам нет нужды останавливаться: в настоящее время под влиянием накопления знаний и критической мысли эти наивные верования не только изгнаны из области науки, но и в обществе уже мало кто верит в существование бессмертной души, как особой самостоятельной духовной сущности, управляющей человеком. Однако, остатки этого верования сохранились и по сие время, хотя в другой форме. Отказавшись от веры в душу, современное мышление не отказалось от дуалистического взгляда на природу человека. И до сих пор не только в обычном мышлении, но и в науке существуют взгляды, что внутренние переживания и телесные процессы суть явления разного порядка, принципиально отличные в своей сущности. Обыденное мышление, сверх того, проникнуто до сих пор уверенностью в той причинной зависимости между этими двумя сторонами, о которой трактует религия. Эта уверенность видна в самой речи, в терминологии. Внутренние переживания обозначаются словами: „душевные“ явления, или „психические“ (от греческого слова *ψυχή* — душа). И веру в первенствующее и руководящее значение этой психической части можно подметить опять-таки в той же речи. Мы постоянно слышим выражения: „надо знать душу человека, чтобы понять его поведение“, или „страх помешал ему это сделать“, „стыд должен удержать его“ и т. д. Во всех этих выражениях ясно проглядывают взгляды, что психическая часть воздействует на материальную. Отсюда понятна и вера в свободу воли и в то, что познание как чужой, так и своей деятельности возможно лишь через знание психики. И не в какой-либо специальной науке, а в своем мировоззрении обыденный человек черпает все основания и правила, с которыми он пытался познать и организовать как свое поведение, так и поведение других.

Основным положением этого мировоззрения, следовательно, служит вера в двойственную природу человека, вера в свободу воли и руководящую и организующую роль внутренних субъективных переживаний на телесные действия. С этой меркой человек подходит к себе и ко всякому

другому живому существу, в том числе и к животным, наделяя их теми же внутренними переживаниями, которые он замечает в себе.

Этот взгляд, именуемый антропоморфическим (*ἀνθρωπος* — человек) и приводящий к одухотворению всякого живого существа и наделению его, независимо от его структуры, сходными переживаниями с своими собственными, является отголоском того же первобытного мировоззрения, откуда проистекают и религиозные верования. Первоначальное мышление, даже в явлениях и предметах мертвой природы, особенно во всем том, что выявляется в движении, предполагало наличие духовной сущности, и эта предполагаемая сущность и считалась причиной, приводящей к действию. И если в настоящее время в отношении явлений природы обыденное мышление не антропоморфично, то в отношении живых существ оно до сих пор в значительной степени носит следы этого наивного воззрения.

Но если так подходит к вопросу о познании поведения обыденный человек, то как разрешает этот вопрос научная мысль? Чем руководятся в своих построениях те науки, которые соприкасаются с вопросами поведения? — К сожалению, и здесь мы до последнего времени не имели чего-либо принципиально отличного от обывательского мышления. И здесь мы встречаем тот же дуалистический взгляд на природу человека и антропоморфический подход к животным и то же убеждение, что лишь знание внутренних переживаний даст ключ к пониманию поведения.

Специальная наука — психология, зародившаяся много веков назад, стремится дать научную систему знаний о внутренних переживаниях, и на данных этой науки и пытаются обосноваться те дисциплины, которые имеют дело с поведением. Научно мыслящему педагогу, юристу, психиатру прежде всего ставилось в обязанность знать психологию, так как по общепринятому воззрению, только в этой науке он мог найти основания к рациональной работе в своей специальности. В периоде этого увлечения значимостью психологии организовываются огромные количества специальных отделов в психологии: психология ребенка, психология преступника, психология душевно-больного, психология животных и т. д. Но все эти психологии все же в конце концов не создали специальной науки о поведении; они не дали ни оснований, ни правил, с которыми можно было точно предсказать поведение того или иного индивидуума или же организовать с полной уверенностью в успехе намечаемое поведение, и не в состоянии были

научно объяснить иногда самые элементарные явления в поведении. Сами психологи, наиболее выдающиеся, стали предостерегать от переоценки значения психологии, особенно в вопросах поведения. Так, например, Джемс¹ открыто заявляет педагогам: „знание психологии нисколько не гарантирует того, что человек будет хорошим учителем“, и „вы глубоко, очень глубоко ошибаетесь, если думаете, что психология в качестве науки о законах духа есть нечто такое, из чего вы можете вывести определенные программы, схемы, методы преподавания для непосредственного применения в школьной практике“. Мюнстерберг² еще более подчеркивает практическую бесполезность психологии для педагогики. В своей статье „Психология и Педагогика“ он говорит: „У нас сотни психологических экспериментальных исследований относительно внимания и памяти, ассоциации и аперцепции и всех других функций, играющих роль при преподавании, и тем не менее нам трудно выделить из них хоть несколько таких, которые можно было бы *непосредственно превратить в педагогические правила* (курсив наш) и которые переходили бы за пределы того, что уже давно без всяких лабораторий узнал бы здоровый человеческий смысл и педагогический опыт“.

Как видно из этих цитат, немного пользы принесла психология педагогике и не предоставила ей скольконибудь полезных сведений, могущих быть использованными в целях установления законов воспитания.

Точно так же и другие науки получили не больше. Вот что говорит, например, авторитетнейший психиатр Э. Крепелин³ о значении психологии для психиатрии: „Спекулятивная же психология с ее убожеством мысли, являвшаяся для психиатра первоначальной единственной точкой опоры в разработке его предмета, служила лишь препятствием к развитию психиатрии в клиническую науку“.

В то же время научная мысль не могла отказаться от стремления отыскать точные основания к познанию поведения и стала их отыскивать вне психологии. В этом процессе отыскания новых путей развивается реакция не только против применения психологического метода в вопросах изучения поведения, но и против самой психологии, и даже против признания существования самих психических состояний. Жестокой критике подверглись и теоретические основания

¹ Цитировано по Введенскому — „Психология без всякой метафизики“.

² Там же.

³ Крепелин — „Учебник психиатрии“.

психологии и ее методы и практическая значимость. Чтобы разобраться в тех усилиях научной мысли и борьбе мнений, которые разыгрались вокруг этих вопросов, нам нужно несколько остановиться на выяснении как самого предмета психологии, так и ее методов и привести основные возражения, направленные против применения субъективно-психологического метода в вопросах изучения личности и ее поведения.

II

Как уже было сказано, современная эмпирическая психология есть та наука, которая поставила своею целью изучение того внутреннего мира переживаний, который каждый человек открывает в себе самом путем непосредственного своего субъективного опыта; так, например, Джемс определяет психологию, как науку, занимающуюся „описанием и истолковыванием состояний сознания, как таковых“, причем под состоянием сознания он разумеет ощущения, эмоции, суждения, хотения и т. д. Точно так же определяют ее Липпс, Челпанов. Другие определяют психологию, как „естественную науку о душевных явлениях“ (Введенский, Лазурский) или как „науку о фактах и законах о душевной жизни“ (Иерузалем).

Во всех этих определениях принципиальной разницы не имеется: разные слова, но существо остается одно и то же, именно — психология изучает субъективно переживаемые явления, открывающиеся непосредственно в личном опыте человека и которые, согласно определению психологии (Челпанов и др.), характеризуются тем, что они в отличие от других материальных явлений не воспринимаются органами чувств и не могут быть пространственно измерены, совершаясь лишь во времени¹.

Имея объектом своего изучения иные явления, чем другие естественные науки, психология отличается от последних и своими методами.

Эти методы, естественно, вытекают из самого характера тех явлений, которые изучала психология. Если эти изучаемые психологией так называемые душевные или психические явления отличаются тем, что непосредственное знание о них возможно лишь тому, кто их переживает в своем личном опыте, то главным методом их изучения

¹ Новейшие изменения, вносимые как в предмет психологии, так и в определение психических явлений, будут приведены ниже.

должно было явиться *самонаблюдение*, или метод *интроспекции*. Согласно этому, изучение психических состояний наиболее наглядно может быть проведено лишь на самом себе. Однако, в виду того, что при таком изучении крайне суживается объем исследовательской работы, с другой — при наблюдении над своим собственным переживанием вносится много неточностей, зависящих от субъективной оценки наблюдаемых явлений, то эмпирическая психология прибегает и к так называемым объективным методам, с помощью которых производится изучение переживаний *сторонней личности*. При этих последних методах объектом непосредственного наблюдения служат не сами душевные переживания, а те или иные действия *сторонней личности*, на основании которых *путем умозаключения* (Челпанов) уже составляется знание о сопутствующих внутренних переживаниях, и в этих случаях окончательным критерием служат те знания, которые получены путем самонаблюдения. Так, если я вижу слезы у другого человека, то я *умозаключаю*, что он переживает чувство горя, на том лишь основании, что и у меня раньше, когда я сам был в горе, также лились слезы.

Таким образом, объективный метод, по мнению психологов, возможен лишь благодаря имеющемуся личному опыту, полученному самонаблюдением. Об этом проф. Введенский говорит так: „так называемое объективное наблюдение душевных явлений сводится к наблюдению лишь материальных явлений, соединенному с их истолкованием, как показателей душевных явлений, производимых нами на основании тех знаний о связи душевных явлений с материальными, которые мы успели приобрести раньше путем самонаблюдения. Ведь, чтобы знать значение слез, смеха, разных жестов и т. п., я должен сперва в самом себе наблюдать, при каких душевных явлениях они возникают“.

Таким образом, метод самонаблюдения, по мнению большинства психологов, является основным в психологии (прямой, непосредственный и исключительно свойственный психологии, по выражению Рибо¹; объективный же метод применяется и для расширения наблюдений и потому, что во многих случаях он один только и возможен, например, в вопросах сравнительной психологии (изучение психологии ребенка, душевно-больного, животных). Но и тот и другой метод направлены к тому, чтобы изучить внутренний мир

¹ „Метод в науках“ — сборник статей Тома, Пикар, Рибо и др. — Русский перевод, 1911 г.

человека, его душевные переживания, содержание его сознания. Добавим еще, что психология в числе других способов исследования пользовалась и экспериментом, но и экспериментальная психология целью своих исследований имеет те же состояния сознания.

Таким образом, разнообразными методами психология стремится к тому, чтобы изучить внутренние переживания человека (и вообще живых существ) и установить законы, которым подчинены эти субъективные состояния. Эти субъективные состояния психики, состояния сознания являются предметом и самодовлеющей целью психологии.

Мы не будем касаться того, насколько эта цель удалась психологам и каково состояние психологии, как науки (по авторитетным признаниям самих же психологов—Джемс—психология это не наука, а то, что еще должно стать наукой), но остановимся на другом вопросе.—Каким образом знание состояний сознания, переживаний обеспечивало понимание объективной деятельности, т. е. того, что мы называем поведением; другими словами: как можно практически использовать для наук, изучающих поведение, психологические знания; как можно на основании изучения того, что человек переживает субъективно, чувствует, вывести законы того, что он делает.

Таким образом возникает философская проблема об отношении духовного к телесному, и ответ на нее нужно искать уже не в психологии, а в философии. Однако, и здесь единого, общепризнанного мнения на этот существеннейший вопрос, основной, по признанию самих же философов, мы не найдем.

С глубокой древности уже у греков наметились в философии два враждующих, взаимно исключających взгляда, известных под именем идеализма и материализма. Согласно определению Вундта¹, „материализмом мы называем всякое мировоззрение, которое материю и обусловливаемые ею свойства тел принимает за субстанцию вещей. Поэтому материализм или непосредственно рассматривает всякое бытие и все происходящее или бывание, как нечто телесное, или же он видит в них явления, телесно обусловленные и определяемые материальными свойствами тел“, а „идеализмом мы называем всякое мировоззрение, которое главным или единственно ценным содержанием жизни провозглашает ее духовное содержание, а потому принимает, что субстанция вещей заключается в духовном бытии“,—

¹ В. Вундт—„Введение в философию“, стр. 226, 227, 239.

в форме ли „индивидуальной души или какого-нибудь другого духовного и всеобщего принципа, мыслимого по аналогии с душевной деятельностью“. При наличии в философии столь различных воззрений очевидно, что поставленная выше проблема об отношении духовного к телесному решается совершенно различно, в зависимости от того, к какой из этих философских концепций примкнуть. Разрешить эту проблему одинаково приемлемо и для идеалистической и для материалистической философии невозможно. Такие воззрения, как предустановленная гармония Лейбница, согласно которой душа всегда знает о состоянии тела, а тело выполняет требования души, не могли решить вопроса, так как основанием к такой гармонии привлекалось „чудо“, „божество“, что, конечно, противоречит материалистическому воззрению, в особенности в современной его форме. При таком положении философской мысли эмпирическая психология предпочитает остаться за пределами философских споров, пытается стать психологией „без всякой метафизики“ (по выражению Введенского) и строить свои положения на основе только эмпирически наблюдаемых фактов. Этими фактами для психологии являются, с одной стороны, психические состояния, с другой — телесные действия. Признавая и те и другие, она считает их разнородными, несводимыми одни к другим, она лишь констатирует их, но от окончательного объяснения их отношения друг к другу отказывается, предоставляя это решение философии, метафизике. В качестве рабочей гипотезы психология придерживается компромиссных теорий. Укажем, что наиболее распространенная теория, которой придерживалось большинство психологов, есть так называемое учение о психофизическом параллелизме и теория взаимодействия, согласно которым духовное и телесное протекают всегда параллельно друг другу и не переходят одно в другое, как не пересекаются две параллельные линии, а лишь (по теории взаимодействия) течение одного процесса может видоизменяться под влиянием другого.

Эти теории не раз подвергались справедливой критике, как не отвечающие фактам даже с чисто внешней стороны; так, например, действительность показывает, что между степенью выраженности субъективных переживаний и внешними действиями часто существуют обратно пропорциональные отношения; чем сильнее и ярче выражено состояние внимания, тем большая задержка в движениях; при привычных же, так называемых автоматизировавшихся актах, субъективные переживания настолько мало заметны или

вовсе даже отсутствуют, что их обычно называют „бессознательными“. Но еще бо́льшая шаткость в допущении взаимодействия между психическими и физиологическими состояниями. Если считать, как предполагают эти теории, различными по своей сущности эти состояния, то никак нельзя, считаясь с этой предпосылкой, допустить возможность перехода или влияния одного состояния на другое, так как такое допущение уже опровергает предпосылку. Сверх того, подобного рода теории противоречат и закону сохранения энергии и недопустимы на основании и других весьма существенных соображений, в частности — материалистических воззрений.

Согласно материалистическому воззрению на природу и весь мир явлений, мы должны в отношении и психических состояний держаться того же взгляда, что и эти явления столь же материальны, как и все остальные явления в природе, и не могут быть выражением какой-либо иной нематериальной сущности. Они являются лишь своеобразным свойством, особым качеством высоко организованной материи, в частности нервно-мозговых процессов и вне их совершенно не наблюдаются. И в то время как объективно нервно-мозговая деятельность выявляется во вне разнообразными реакциями организма, в то же самое время она субъективно отображается в виде так называемых психических состояний в форме тех или иных субъективно постигаемых переживаний. Поэтому субъективные психические переживания и объективно наблюдаемая деятельность являются выражением единого материального нервно-мозгового процесса, а поэтому вопрос о взаимовлияниях духовного и телесного в самой его постановке неправилен, ибо, с точки зрения психофизического монизма на эти явления, необходимо признавать их единство при качественном их различии.

Но эмпирическая психология не склонна решать вопрос так. Она уклоняется, как выше было сказано, от решения этой проблемы; выдвигаемые же ею рабочие гипотезы психофизического параллелизма и взаимодействия не выдерживают критики с теоретической стороны и практически не освещают поставленной проблемы. Сверх того, отказываясь от решения этой проблемы, она вынуждена стать дуалистической; при изучении личности она разрывает единство организма на две несводимые части и таким путем приближается не к научному мышлению, а возвращается к примитивному, обыденно житейскому воззрению на природу человека. Научное мышление стремится к монизму.

„Легко понять, почему“, — говорит Плеханов¹, — потому, что *только* монизм, объясняющий мир с помощью *одного* принципа, имеет право претендовать на (более или менее правильное) решение вопроса о том, как относится субъект к объекту. Дуализм не решает этого вопроса, он признает его неразрешимым или апеллирует к чуду, т. е. к вмешательству всемогущего существа, которое возвышается *и над субъектом и над объектом*. „Но, высшее существо *едино*. Поэтому апелляция к нему сама является попыткой решить (правда, лишь с помощью фантома) основной философский вопрос в монистическом смысле“.

Таким образом, подход к изучению поведения на базе эмпирической психологии нужно признать совершенно беспочвенным, так как он уязвим в самом своем основании, именно — со стороны самой же психологии.

Эмпирическая психология в своем основном базисе настолько оспариваема, что не может претендовать на звание науки, поэтому и наукам, изучающим поведение, она ничего не может дать, что фактически и есть на самом деле. В самом деле, как можно было ожидать от эмпирической психологии законов деятельности, раз эта же психология утверждала, как свою рабочую гипотезу, что психическое и телесное разнородны и одно в другое не переходит, как две параллельные линии никогда не пересекаются? С другой стороны, если даже допустить, что знание о психических переживаниях каким-то образом все же давало нам возможность устанавливать законы поведения, то возникает другое методологическое затруднение, а именно: каким образом добыть эти знания о субъективных состояниях сторонней личности, раз основное свойство этих состояний — быть известным лишь тому, кто их сам переживает. Если от человека мы можем получить эти данные косвенно, пользуясь его речью, то как судить о них при изучении животных, младенцев, душевно-больных и вообще во всех тех случаях, когда изучаемый объект отличен в самой своей организации? Ведь, не можем мы сравнивать, например, переживания нормально развитого человека и идиота или слепо-глухонемого. Следовательно, если считать, что законы поведения могут быть устанавливаемы лишь только на основе данных о субъективных переживаниях объекта, то значит, что во всех тех случаях, когда этих данных получить невозможно или они гадательны, придется отказаться от изучения поведения. Ясно, что научная мысль не могла

¹ Плеханов — Собрание сочинений, том XVIII, стр. 162.

покориться подобной участи и должна была искать иных путей для разрешения проблемы об изучении законов поведения и установления раньше всего метода, пригодного для всех случаев.

Наряду с только что описанным методом изучения поведения, который можно назвать субъективно-психологическим, постепенно развивалось другое направление, так называемое объективное, к описанию которого мы и перейдем.

III

Среди натуралистов, в частности зоологов, занимавшихся так называемой сравнительной психологией, давно уже началась борьба с антропоморфическим описанием поведения животных, т. е. с объяснением объективной деятельности животных через приписывание им тех или иных человеческих субъективных переживаний (по аналогии). Для иллюстрации приведем слова совершенно нематериалистически мыслящего энтомолога — патера Васманна¹: „Признание „разумности животных“ стало в настоящее время в широких кругах модой, очеловечение животных — манией...“. „Однако, если мы присмотримся ближе, откуда исходит эта мода, то мы заметим, что ее отечество находится не в научных кругах, а, напротив, в так называемых популярно-научных, в тех животнoлюбивых и животнoпокрывительственных кругах, которые черпают свои психологические познания из произведений какого-нибудь Брема или Бюхнера. Как духовные дети последних, они находят для себя более удобным разрешать загадку животной жизни таким образом, что переносят мысленно самих себя на место животного, а затем простодушнейшим образом вычитывают свои же собственные мысли, как психическую деятельность последнего“. В подтверждение своей критики антропоморфического подхода к животным Васманн далее ссылается на следующие слова Вундта: „Если Бекон некогда сравнивал недостаточное наблюдение природы современными ему последователями Аристотеля с отчетами посланника, который основывает свои сведения о намерениях какого-либо правительства не на точных расследованиях, а на городских сплетнях, то эта картина довольно точно соответствует зоопсихологии наших дней“.

Несмотря, однако, на стремление освободиться от антропоморфического толкования поведения животных, зоопсихологи, подобные Васманну, попрежнему пытаются все же

¹ Васманн — „Итоги сравнительной психологии“. Русский перевод, 1906 г.

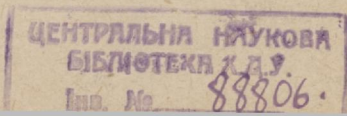
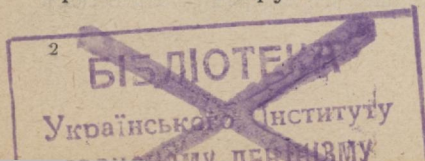
изучение поведения животных построить на психологической базе, т. е., если они и объявляют всемерную борьбу против очеловечения животных и приписывания им человеческих психических переживаний, то все же они не отказываются познать поведение животных через изучение тех психологических состояний, которые не по аналогии с человеком, а существуют в действительности и свойственны животным. Вот как об этом говорит тот же Васманн : „Мы должны объяснять явления возможно более просто и потому не должны приписывать животным более высоких психических способностей, *чем это необходимо для объяснения наблюдаемых фактов* (курсив Васманна). Дальше он говорит: „Рассуждение и свободный выбор мы можем привлекать на помощь, *как основание для объяснения* (курсив наш), только там, где простейших бессознательно-целесообразных ассоциаций оказывается недостаточно. Так поступает научная психология“. Из этих цитат совершенно ясно, что факты животной жизни (поведение) должны, по мнению Васманна, толковаться все же на основе изучения их внутренних, субъективных переживаний, хотя и очищенных от очеловечения. Помимо того, в таком способе изучения поведения скрытно утверждается причинная зависимость между психическим и телесным, что также неправильно, но сверх того эти авторы искусно обходят другую проблему: а как же изучить эти действительные психические переживания животных, раз основное свойство психических состояний — их субъективность, а, следовательно, непосредственно они могут быть известны лишь тому, кто их переживает. Если об этих переживаниях составлять знание на основе толкования действий животных, а затем полученными таким способом знаниями объяснять опять те же действия животных, то ведь получается заколдованный круг. В виду шаткости подобного психологического подхода к объяснению поведения животных, другими исследователями выявлена была борьба не только против антропоморфизма, но и против всякого зоопсихологизма. Бете, Беер, Икскуль, Циглер и другие решительно высказались против возможности осуществления научной зоопсихологии, так как вопрос о душе животных, по их мнению, скорее может быть, предметом веры, а не точной науки. С именами этих авторов связывается начало нового направления в исследовании поведения животных, так называемого объективного. Это направление, отбрасывая какие бы то ни было психологические толкования поведения животных, как основанные на недоказуемых непосредственно субъективных психических

переживаниях, стремится обосновать свое изучение не на психологии, а на физиологии, и прямым предметом своего изучения ставит не внутренние переживания, о которых надо догадываться, а лишь объективно наблюдаемые действия, трактуя их, как результат нервно-мозговых процессов. Этими авторами была предложена и специальная объективная терминология для обозначения изучаемых явлений в действиях животных. Эта попытка первых объективистов вызвала самую ожесточенную критику со стороны зоопсихологов и психологов, но большого распространения и влияния не получила. Значительно больший успех в этом новом направлении выпал на долю русских физиологов и психиатров и американских психологов, в лице Павлова, Бехтерева, Торндайка, Уотсона, Лешли и других. На рассмотрении этих новых научных течений мы теперь и остановимся.

Прежде всего необходимо предупредить, что в настоящее время нет еще единой школы объективистов, а имеется несколько разновидностей, различающихся одна от другой теми или иными (подчас весьма существенными) особенностями, что всегда необходимо иметь в виду при их оценке. Наряду с этим, они все же имеют и общие объединяющие черты, с описания которых мы и начнем.

Основным таким общим моментом у всех объективистов является то, что, подходя к изучению деятельности как человека, так и животных, они предметом своего изучения избирают не переживания исследуемых объектов, а их действия, или, как принято теперь выражаться, поведение; при чем законы этого поведения пытаются вывести не из явлений сознания, а из объективных условий и внешних выражений деятельности, так называемых реакций.

Для установления законов поведения объективисты считают необходимым отыскать закономерные отношения между действиями и всеми теми условиями, которые детерминируют эту деятельность. Детерминизм любой деятельности — это основное положение каждого объективиста. Прообраз, общий тип детерминированной деятельности, объективисты видят в обыкновенном, простейшем физиологическом явлении, так называемом рефлексе. Как каждый элементарный рефлекс обусловлен специальным раздражителем и соответствующим биологическим, в частности — нервно-мозговым механизмом, так и во всякой иной, самой сложной деятельности моментами, определяющими ее закономерность, являются определенный раздражитель или система раздражителей, с одной стороны, и нервно-мозговые процессы — с другой. Нет такой деятельности, которая не

была бы построена по этому принципу. Отказываясь от применения субъективно - психологического метода при своих исследованиях, все объективисты оставляют в стороне данные эмпирической психологии, и все свои построения пытаются выразить в терминах и понятиях остальных естественных наук. Объективисты полагают, что с помощью их метода, не требующего учета сознания, возможно на основе одного и того же принципа подойти к изучению всевозможных реакций любого организма, независимо от той или иной структуры организма и степени сложности поведения. Но помимо этих общих положений, одинаково разделяемых всеми объективистами, как сказано уже выше, существуют между ними и значительные отличия.

IV

Американские объективисты называют себя бихевиористами (от слова behaviour — поведение), а выдвигаемое ими научное направление — бихевиоризмом, или бихевиористической психологией. Наиболее яркий представитель бихевиористов Watson (Уотсон), резко критикуя прежнюю эмпирическую психологию, так определяет предмет и задачи бихевиористической психологии: „для бихевиориста психология является тем отделом естественных наук, который предметом своего изучения берет поведение человека, т. е. все его поступки и слова как приобретенные в течение жизни, так и врожденные. Психология — это изучение того, *что люди делают*, начиная еще с утробного периода жизни и до смерти. Бихевиористическая психология пытается путем систематического наблюдения и эксперимента установить обобщения, законы и принципы, лежащие в основе человеческого поведения. Если человек действует, т. е. выполняет что-нибудь при помощи своих рук, ног или голосовых связок, то при этом неизменно должна быть группа предшествующих событий, являющихся „причиной“ его нынешнего действия. Подходящим термином для этой группы предшествовавших событий является термин „ситуация“ (совокупность условий), или „раздражитель“. Когда человек сталкивается с какой-нибудь ситуацией, например, с пожаром, опасным животным или человеком, с превратностью судьбы, то он проявит какую-нибудь деятельность, даже если он будет только спокойно стоять или лежать в обмороке“¹.

¹ Дж. Уотсон — „Психология как наука о поведении“, перевод под ред. проф. В. П. Протопопова. 1926 г. — В дальнейшем все выдержки взяты отсюда.

Таким образом, бихевиористы полагают, что основной целью при изучении поведения должно быть установление закономерных отношений между реакцией и ситуацией. Когда это изучение достигнет надлежащей полноты, то бихевиоризм станет наукой, могущей и объяснить любое поведение, и предсказать его, и организовать⁴. Если бихевиорист имеет под рукой все изучаемые им явления, то он должен быть в состоянии после наблюдения над индивидуумом, совершающим какое-нибудь действие, сказать, какая совокупность условий или ситуация вызвали данное действие (предсказание); или же, если организованное общество постановило, что отдельный человек или группы их должны поступать определенным, специфическим образом, то бихевиорист должен быть в состоянии создать условия или раздражение, которые приведут к желаемым поступкам (воздействие, управление). Другими словами, бихевиоризм занимается предсказанием и регулированием действий человека, а не анализом „сознания“. Именно в умении организовать поведение бихевиорист видит конечную цель своей науки. Watson говорит: „Каждый ученый чувствует, что он движется вперед в своей области лишь постольку, поскольку ему удастся добиться управления теми явлениями, которые он изучает, например: сдерживать напор воды при грозящем наводнении, защищаться от молнии посредством громоотвода, экспериментами вызвать молнию и дождь, рассеивать облака и т. д. Точно также и психолог, избравший предметом своего изучения человеческое поведение, чувствует, что он делает успех в своей науке лишь постольку, поскольку он может регулировать поведение и управлять им. Имеются ли в репертуаре действий данного человека навыки такого рода, развитие которых даст ему возможность стать артистом, певцом, администратором?.. Другой случай: мы видим, что человек пуглив, излишне робок, застенчив, заикается. Можем ли мы изменить такое поведение? Если можем, то какого метода воздействия нам следует придерживаться“.

Ответ на все подобные практические вопросы, по мнению бихевиористов, можно получить лишь только на основе объективного подхода к личности, а не на принципах прежней эмпирической психологии, занимавшейся явлениями „сознания“. — „Психологии школы Вундта не удалось, таким образом, стать наукой“, утверждает Watson. — „Еще более плачевными оказались ее попытки увеличить наше понимание природы человека хоть сколько-нибудь научно-полезными данными с целью помочь людям понять, почему

они поступают так, а не иначе, и каким путем можно изменить их поведение; как обеспечить и ускорить воспитание у подростка поколения таких навыков, которые давали бы юношам возможность жить, и которые спасали бы их личность от подавления и угнетения обществом". — Причиной неудач традиционной психологии, по мнению Watson'a, является ограничение предмета изучения и выбор метода. "Психология ограничила предмет своего изучения так называемыми „состояниями сознания“, их анализом, и синтезом. „Состояния сознания“, подобно пресловутым спиритуалистическим явлениям, не поддаются объективной проверке, и поэтому никогда не смогут стать предметом научного исследования"... — „Сознание с его структурными элементами, неразложимыми ощущениями (и их производными душевными образами) и чувственными тонами, с его процессами внимания, соображения, восприятия — все это только фразы, не поддающиеся определению"... „Я просто не знаю“, — говорит он в другом месте, — „что означают такие понятия, как ощущения, восприятия, воля, воображение, и не верю, чтобы кто-либо мог пользоваться ими с полным пониманием"... „Вообще“, — окончательно формулирует он свое отношение к явлениям „сознания“, — „бихевиорист не находит никаких доказательств существования „душевных явлений“ или „душевных“ процессов, какого бы то ни было рода“.

Вторым недостатком прежней психологии, мешавшим ее развитию, по мнению бихевиористов, является основной ее метод — метод самонаблюдения. Указывая на затруднительность пользования этим методом без предварительной, многолетней практики, Watson добавляет, что результаты, полученные этим методом, крайне ограничены. „Единственным, на что делает способным психолога данный метод, — это анализ, и при том анализ своих собственных прошлых состояний. Синтез же, который является необходимым условием современной науки, оказался в психологии невозможным. Этот метод в психологии оказался негодным как с точки зрения возможности поддержания длительного интереса к этому занятию у самонаблюдателя, так и с точки зрения прогресса психологии, как науки. Трудность производства таких наблюдений над самим собой почти сразу отнимала у самонаблюдателя надежду когда-либо познать как самого себя, так и своего ближнего. В прошлом этот метод дал ряд лабораторных исследований, очень далеких от жизненных человеческих интересов, и ряд руководств, с которыми может справиться только философ“.

Для того, чтобы быть способной к прогрессу и сдвигаться практически полезной наукой, психология, по мнению бихевиористов, должна окончательно порвать свои старые связи с прошлым, а это прошлое — религия и схоластика, в плену которых так долго находилась психология. Химия стала подлинной наукой только после того, как порвала связь с алхимией, астрономия — отказалась от традиций астрологии, неврология — ушла от френологии, так точно должна поступить и психология, и для этого она должна отказаться от *субъективного предмета изучения, интроспективного метода исследования, прежней терминологии*, и перенести свои исследования с изучения самого себя на стороннюю личность. Бихевиоризм утверждает, что наиболее целесообразным отправным пунктом для психолога является изучение поведения наших ближних. Watson говорит: „наиболее интересным и плодотворным методом является изучение того, как поступают другие люди и почему они так поступают. Только такой путь дает нам надежду когда-либо понять и наше собственное поведение“.

Такова концепция наиболее крайних бихевиористов. Следовательно, они отбрасывают эмпирическую психологию, как ненужную и бесполезную дисциплину, отказываются считать ее наукой, а на место ее выдвигают другую науку, которая должна заняться изучением не явлений сознания, которые бихевиористы отрицают, а действий людей, их поступков. Метод этой новой науки должен заключаться лишь в объективном изучении зависимости действий от их стимулов. К этим стимулам бихевиористы относят все раздражители природы, собственного тела и социальной среды.

Необходимо добавить, что наряду с изложенной выше концепцией крайних бихевиористов в Америке существуют и другие школы, более умеренных бихевиористов, которые не столь непримиримо относятся к психологии и, признавая явления сознания, считают необходимым считаться с ними в той или иной степени. Таких школ бихевиористов имеется несколько с разнообразными оттенками, но мы не можем здесь остановиться на рассмотрении их воззрений: это отвлекло бы нас далеко в сторону.

V

Наряду с развитием американского бихевиоризма, у нас в то же самое время и совершенно независимо от американцев развивается объективное направление в двух наших школах — психиатрической Бехтерева и физиологической — Павлова.

Свою концепцию Бехтерев обосновал сначала в виде „объективной психологии“.

Бехтерев¹ так излагает основы и предмет выдвигаемой им новой дисциплины: „Психология, которой мы займемся в нижеследующем изложении, мало будет похожа на ту психологию, которая до сих пор служила предметом изучения. Дело в том, что в объективной психологии, которой мы намерены посвятить настоящий труд, не должно быть места вопросам о субъективных процессах или процессах сознания“. — „Для объективной психологии нет вопроса о сознании или бессознательном. Она оставляет этот вопрос в стороне, предоставляя его всецело ведению субъективной психологии“... „В задачи объективной психологии вовсе не входит выяснить характер тех субъективных переживаний, которыми сопутствуются при известных условиях нервно-психические процессы. Она признает лишь существование объективных процессов в мозгу, обуславливающих переработку внешних воздействий в определенный ряд внешних же реакций организма. Отсюда ясно, что объективная психология ставит предметом своего изучения все внешние проявления тех внутренних процессов, которые развиваются под влиянием внешних воздействий в нервной системе организмов и которые находятся в известном соотношении с прошлым опытом, следовательно, в определенной сочетательной связи с бывшими ранее раздражениями. Объективная психология поэтому должна быть наукой о внешних *выразительных* реакциях в широком смысле слова, изучающая их в соотношении с бывшими ранее внешними влияниями как непосредственно им предшествующими, так и отдаленными, которые приводят к проявлению *выразительных* реакций“. — Объективная психология к этим выразительным реакциям относит речь, мимику, жесты, деяния и поступки, но для нее нет надобности касаться данных субъективного опыта.

„Для объективной психологии нет надобности говорить об ощущениях, представлениях, понятиях и др. Она должна говорить только о внешних впечатлениях и раздражениях, о следах, оставляемых ими в центрах, о сочетании их друг с другом и о тех или других внешних реакциях в их соотношении с бывшими внешними влияниями, подействовавшими на организм как непосредственно перед их проявлением, так и в прошлый период времени“. Соответственно

¹ Бехтерев — „Объективная психология“, 1907 г. Все приводимые дальше выдержки взяты отсюда.

с такими задачами объективной психологии Бехтерев предлагает выбросить из ее обихода и все метафизические термины, усвоенные субъективной психологией, как „воля, разум, желание, влечение, память и т. д.“ и заменить их термином: „нервно-психические процессы“.

Исключая из круга изучения объективной психологии субъективные явления, Бехтерев отнюдь не отрицает их существования и их значения. Он говорит: „мы не можем вообще согласиться с мнением, что сознание является простым эпифеноменом материальных процессов. В природе ничего нет лишнего, и субъективный мир — не есть только ненужная величина или бесплодное качество в общей нервно-психической работе“. Аргументируя различными соображениями это положение, он еще раз подчеркивает, что „субъективные символы, открываемые в нас самих при определенных внешних воздействиях, ничуть не могут быть рассматриваемы, как совершенно излишние спутники объективных изменений нервной ткани мозга. Напротив того, они имеют существенное значение по отношению к самым основным проявлениям нервно-психической сферы и ее развитию“; но тут же добавляет: „при всем том нужно иметь в виду, что количественные различия в субъективных знаках стоят в тесном единении с объективными изменениями в наших центрах, иначе говоря, они соответствуют количественным различиям в объективных и материальных процессах, происходящих в мозгу“...

О соотношении субъективных явлений с объективными нервно-мозговыми процессами высказывается он в следующих словах: „Мы должны твердо держаться той точки зрения, что дело идет в этом случае не о двух параллельно протекающих процессах, а об одном и том же процессе, который выражается одновременно материальными или объективными изменениями мозга и субъективными проявлениями; мы не должны упускать из виду, что те и другие служат выражением одного и того же нервно-психического процесса, обусловленного деятельностью энергии центров.“

Поэтому, во избежание всяких недоразумений и в устранение издавна установившегося противоположения духовного материальному, мы вправе и должны говорить ныне не о душевных или психических процессах в настоящем смысле слова, а о процессах нервно-психических, и везде, где мы имеем дело с психикой, нужно иметь в виду собственно нервно-психические процессы, иначе — невро-психику, а у простейших, лишенных нервной системы — биопсихику“.

Какими же основаниями руководится Бехтерев, чтобы оправдать самую необходимость создания объективной психологии наряду с субъективной? Основания эти сводятся к тому, что круг явлений, изучаемых субъективной психологией, крайне ограничен и часто не может претендовать на достоверность. „Субъективно мы переживаем лишь некоторую часть своих нервно-психических процессов, которые поэтому называются сознательными, многие другие нервно-психические процессы, которые называются подсознательными или бессознательными, субъективно не переживаются и, следовательно, непосредственно нами не воспринимаются, а познаются лишь косвенным путем при посредстве наблюдения за непосредственными результатами этих процессов и за соответствующими движениями, иначе говоря — объективным путем; наконец, что также особенно важно, мы переживаем только субъективную сторону психических явлений, и вовсе не сознаем их объективной стороны; между тем в существовании этой объективной стороны мы не можем более сомневаться, руководясь точными физиологическими исследованиями. Таким образом, наши субъективные переживания, по крайней мере, как они представляются в нашем воспоминании, и неполны и недостаточны даже для уяснения нашей собственной нервно-психической деятельности, исследуемой путем самонаблюдения, вследствие чего они не могут служить точным мерилom даже происходящих *в нас самих* нервно-психических процессов. Если же они не служат достаточным мерилom собственных нервно-психических процессов, то какое значение имеют они при определении и оценке нервно-психических процессов других существ? Вот почему мы полагаем, что главный и основной метод изучения нервно-психических процессов других лиц есть не самонаблюдение, как многие до сего времени думают, а объективный метод наблюдения и исследования. Последний в сфере изучения нервно-психики других, а тем более душевно-больных или животных, должен быть признан единственным руководящим методом исследования. Как мы видели выше, нервно-психические процессы всегда скрывают за собой объективную или физическую сторону. Эти нервно-психические процессы не только в известных случаях субъективны, но и при этом они всегда объективны, тогда как субъективны *не всегда*“.

Таким образом, Бехтерев показывает, что исследование как собственной деятельности, так и, особенно, сторонней личности во всем ее объеме не охватывается и не

разъясняется субъективным методом, а сверх того он неприменим совершенно в отношении животных и лиц иной структуры (дети, душевно - больные и т. п.).

Возникает еще один вопрос: не отражается ли на точности данных объективного исследования то обстоятельство, что в той деятельности, где имеется и субъективная сторона, эта последняя не принимается в расчет. Бехтерев раньше всего указывает, что вообще нет объективного критерия, с помощью которого можно было бы с действительной достоверностью доказать наличие сознания у сторонней личности, особенно у животных, и что трудно доказать совершенно ли наблюдаемое движение или действие сознательно, автоматически или инстинктивно. Когда обезглавленная лягушка совершает целесообразные действия, то можно ли с полным вероятием утверждать или отрицать наличие у нее сознания в этом случае или, наблюдая игру пианиста, возможно ли объективно доказать, в какие моменты его игра сознательна, в какие — подсознательна? И поэтому гораздо более целесообразно в объяснении сторонней деятельности руководиться критерием объективного характера. „Если мы будем изучать нервно-психические процессы с их объективной стороны, как процессы материальные, то мы ничего не утрачиваем из схемы самого процесса. В наиболее простом виде, например, нервно-психический процесс может быть представлен в виде схемы, подобной рефлексу, где возбуждение, достигая мозговой коры, оживляет здесь, благодаря имеющимся ассоциационным связям, следы прежних возбуждений, которые большей частью и являются в конце концов главными определителями внешних движений, обусловленных нервно-психическими импульсами. Спрашивается, что к этой простой схеме прибавится, если мы на место вышеуказанных, чисто физиологических терминов, будем пользоваться ходячими терминами субъективной психологии и скажем, что внешнее раздражение, возбуждая ощущение и оживляя в коре полушарий воспоминательные образы, приводит, благодаря последним, к известному поступку или действию. Нет надобности пояснять, что схема нервно-психического процесса от этого „языка субъективной психологии“ нисколько не выигрывает, а скорее еще затемняется тем, что мы пользуемся терминами, значение которых весьма и весьма условно“.

Из этих слов Бехтерева явствует, что, по его мнению достоверность исследования по объективному методу и тех форм деятельности, где наверняка имеется и субъективная

сторона, не умаляется от того, что не производится учет субъективной части, так как замена физиологических терминов терминами субъективной психологии ничего не добавит к объективной схеме¹.

Последнее, что нам следует еще добавить для полного освещения концепции Бехтерева (выраженной в его „Объективной психологии“) — это указание на то, что он в понятие психического включает как сознательные, так и подсознательные явления и в то же время, как некоторые психологи критерием психического считают именно сознательность (Ziehen, Нечаев и другие), Бехтерев считает такой критерий и ограничительным и в отношении сторонней личности объективно недоказуемым. — „Вряд ли вообще нужно доказывать“, — говорит он, — „что с объективной стороны мы не имеем точных критериев сознательности, тем более, что и в более простых рефlekсах имеется приспособление к известной цели и способность побеждать препятствия, то - есть регулировать соответственно данным обстоятельствам ответные движения (Goltz). Нужно иметь при этом в виду, что элементы сознательного в процессы, называемые психическими, ничего не вносят такого, что могло бы нам объяснить сущность самих процессов или

¹ В сущности здесь Бехтерев не дает прямого ответа на поставленный вопрос; он скорее искусно обходит его. Дело ведь не в том, прибавит ли что-либо к объективной схеме замена одних терминов другими, а в том, чтобы разрешить проблему об отношении субъективного к объективному.

Как мы видели выше, Бехтерев утверждает, что субъективные явления имеют „существенное значение по отношению к основным проявлениям нервно-психической сферы и ее развитию“. В другом месте он еще категоричнее высказывается: „ничуть не думаем субъективное считать излишним. По крайней мере, нет основания признавать, что в проявлениях психической сферы дело обошлось бы без присутствия субъективного так же, как и с субъективным. Мы не можем вообще согласиться с мнением, что сознание является простым эпифеноменом материальных процессов.“

В этих цитатах кроется как бы готовность придать субъективной стороне (сознанию) определенное значение, но наряду с этим у него же мы встречаем следующее: „Но при всем том нужно иметь в виду, что качественные различия в субъективных знаках стоят в тесном единении с объективными изменениями в наших центрах, иначе говоря, они соответствуют количественным различиям в объективных материальных процессах, происходящих в мозгу, а потому в деле изучения внешних проявлений невропсихики вышеуказанные субъективные знаки мы можем заменить соответствующими им объективными изменениями нервной ткани, обозначая их определенно выраженными названиями“. В этих словах как бы противоречие предыдущим, но в них осталась неопределенность: „стоят в тесном единении“, „соответствуют“ — неясно, выражается ли здесь психо-физический параллелизм или материалистический монизм. Именно, недостаточное философское освещение поставленного вопроса и приводит Бехтерева к обходу проблемы об отношении субъективного к объективному.

обособить их от бессознательных или машинальных. Положение это признается даже лицами, которые без присутствия сознания не признают ничего психического и которые психику отождествляют с сознанием, что мы считаем совершенно неправильным". — Расширяя понятия психического за пределы сознательно-психического, Бехтерев в соответствии с этим полагает, что и предмет психологии также должен быть расширен. Он говорит: „психология с нашей точки зрения есть наука о психической жизни вообще, а не о сознательных только ее проявлениях. Поэтому в задачи психологии должно входить изучение психических процессов в самом широком смысле слова, т. е. как сознательных, так и бессознательных проявлений психической деятельности и изучения внешних проявлений психической деятельности поскольку они служат для определения особенностей и характера психической деятельности, а также изучение биологических процессов, стоящих в ближайшем соотношении с психическими процессами.“ — Раз Бехтерев под именем психического понимает не только сознательное, то какой же критерий он выдвигает для определения психического „вообще“ в отличие от непсихического? — К явлениям психическим, по его мнению, должно быть отнесено все, что основано на прошлом личном опыте. — „Очевидно, что и в объективной психологии“, — говорит он, — „должен быть установлен известный критерий для определения нервно-психических процессов и для отличия их от процессов непсихических resp. чисто-нервных. В этом отношении мы можем ограничить понятие невро-психики с объективной стороны такими отношениями организма к окружающему миру, которые предполагают переработку внешнего воздействия на основании прошлого индивидуального опыта. Всюду, где прошлый опыт дает себя знать, мы имеем уже не простой рефлекс, а психо-рефлекс, или невро-психику в настоящем смысле слова. Это определение строго ограничивает собственно невро-психические процессы от простых рефлексов, которые предполагают не бывший ранее индивидуальный опыт, а упрочившееся путем долговременного повторения и передачи по наследству автоматическое проведение импульсов в определенном направлении. В вышеупомянутом определении, таким образом, ясно ограничивается область нервно-психического процесса от простого рефлекса, который хотя также основан на прошлом опыте, но на опыте наследственном, а не индивидуальном.“ — Далее Бехтерев указывает, что, хотя нервно-психические процессы любой сложности построены по типу обыкновенных

рефлексов, тем не менее в них имеются существенные отличающие их черты, которые сводятся к тому, что нервно-психические реакции в конечном результате не столько зависят от внешних раздражений, сколько от центральных мозговых влияний. — „Если и можно говорить об уподоблении нервно-психических процессов рефлекторным, то во всяком случае нельзя упускать из виду и той сложности этих процессов, с которой мы обыкновенно в них встречаемся. Благодаря репродуктивной и сочетательной деятельности нервной системы может оказаться, что возникшее на периферии раздражение, достигши центров, оживляет здесь следы от бывших ранее и отдаленных по времени впечатлений, и при этом впечатлений, обусловленных раздражением другого органа, которые и *определяют* направление внешней реакции“.

„С другой стороны, новое впечатление, оживляя следы от постоянно протекающих внутренних телесных раздражений, при посредстве этих следов может возбудить несоответствующую силе внешнего раздражения мышечную, сосудодвигательную или секреторную реакцию, или же впечатление может оказаться задержанным в центрах, оставаясь до времени не разрешенным и являясь в форме как бы скрытой энергии центров — ... Если мы спросим себя теперь, какое же существует различие между нервно-психическими реакциями, рассматриваемыми с чисто объективной стороны, и простыми рефлекторными реакциями, то, согласно всему вышесказанному, мы должны признать нервно-психической реакцией такую, которая, требуя для своего проявления времени более всякой другой чисто рефлекторной реакции, определяется не внешними свойствами данного раздражения, а сочетательной и репродуктивной деятельностью нервной системы“.

Вот в сжатом виде концепция Бехтерева, как изложена была она сначала в его „Объективной психологии“. Добавим еще, что в этом своем труде он защищает право для развиваемой им дисциплины именоваться „психологией“.

При этом он ставит вопрос, следует ли для такой науки, которая изучает внешние реакции организма в связи с настоящими и прошлыми раздражениями, название психологии. — „Что это за психология без души? “ — скажет читатель. — Но мы же условились относительно того, — говорит Бехтерев, — что в основе нервно-психических процессов лежат материальные процессы, от них совершенно неотделимые, следовательно, не все „в душе“ оказывается субъективным, и психология не должна быть исключительно

субъективной, а может быть и объективной, если иметь своей задачей исследовать только объективную сторону нервно-психических явлений.“

Таким образом, мы видим, что концепция Бехтерева значительно отличается от бихевиористической. Бехтерев признает и субъективную психологию, как самостоятельную науку, и самые психические, субъективные явления и их значимость. На этом основании Watson (несправедливо) причисляет Бехтерева к правоверным параллелистам. На самом деле Бехтерев защищает монистическую точку зрения на субъективные и объективные проявления психической деятельности, и так как первые при исследовании сторонней личности, особенно больных или животных, не поддаются точному учету, то Бехтерев и полагает, что более полные и достоверные знания можно получить при исследовании сторонней личности путем изучения объективных проявлений деятельности. Исследование же субъективных проявлений, или явлений сознания, с успехом могут производиться лишь на самом себе, и для целей этого исследования и должна служить субъективная психология.

VI

Еще раньше, чем появилась „Объективная психология“ Бехтерева, у нас же возникает могучая школа объективистов¹ физиолога Павлова. И поводы, послужившие к зарождению этой школы, и цели, и самая постановка вопросов в этой школе значительно отличны от предыдущих.

Если первые исходили в своих построениях из соображений, так сказать, общего характера, на основе ревизии психологии сознания, особенно Бехтерев², то толчком к работе Павлова послужили обстоятельства методологического характера, вызванные требованиями тех экспериментальных, чисто физиологических работ, которые производились этой школой на протяжении длинного ряда лет. Коротко говоря, первые шли от психологии, а Павлов от физиологии. Вот как говорит сам Павлов³ об обстоятельствах, приведших его к необходимости заняться изучением

¹ Значительно ранее (1863 г.) другой русский физиолог (Сеченов) сделал попытку представить психическую деятельность на принципе рефлекса, о чем будет сказано ниже.

² Причины — приведшие Бехтерева к ревизии психологии, изложены мной в статье „Бехтерев, как рефлексолог“ см. „Врачебное дело“ № 3, 1928 г.

³ Павлов. „Двадцатилетний опыт изучения высшей нервной деятельности“, стр. 15.

так называемой психической деятельности. — „Это будет прежде всего история обращения физиолога от чисто физиологических вопросов к области явлений, обычно называемых психическими. Этот переход произошел, хотя и неожиданно, но вполне естественно, и — что мне кажется особенно важно в этом деле — без изменения, так сказать, методического фронта“.

— „В продолжении многих лет, занимаясь нормальной деятельностью пищеварительных желез, анализируя постоянные условия этой деятельности, я встретился здесь, как, впрочем, уже указывалось и раньше другими, с условиями психического характера. Не было никакого основания откладывать эти условия в сторону, раз они постоянно и весьма значительно участвовали в нормальном ходе дела. Я обязан был заниматься ими, если решил возможно полно исчерпать мой предмет. Но тогда сейчас же возникал вопрос: как? — И все дальнейшее изложение будет ответом на этот вопрос“. Раньше, чем излагать ответ Павлова на этот вопрос, укажем, о каких явлениях психического характера он говорит, так как, как ни странно, но часто искажают предмет исследований Павлова. Явления эти таковы, например: слюноотечение у собаки при виде пищи, запахе ее, при стуке или виде посуды, даже при приближении только служителя, кормящего обычно собаку, оборонительные движения и слюноотечение при поднесении колбы с кислотой и т. д. Никто не станет отрицать, что это те явления, которые обычно называются психической деятельностью. Павлов, долгие годы изучавший физиологию пищеварения, постоянно в своих экспериментах сталкивался с этими явлениями; они постоянно врывались в его опыты, нарушая течение чисто физиологических исследований, например, исследования зависимости качества и количества слюноотделения при введении того или иного пищевого вещества. Но эти психические явления, наступавшие без всякого введения пищи, постоянно осложняли эксперимент, и не учитывать их нельзя было. И вот, Павлов спрашивает: „Что дальше делать физиологу с этими данными? Как устанавливать их? Как анализировать? Что они такое сравнительно с физиологическими данными? Что есть общего между теми и другими и чем они отличаются друг от друга? Должны ли мы для понимания новых явлений входить во внутреннее состояние животного, по своему представлять его ощущения, чувства и желания?“

— „Для естествоиспытателя“, — отвечает Павлов, — „остается на этот последний вопрос, как мне кажется, только

один ответ — решительное „нет“. Чем же обусловлен такой ответ? Первым основанием к такому ответу послужила безрезультатность попыток подойти к этим явлениям на основе отгадывания внутренних переживаний животных. Где хоть сколько-нибудь бесспорный критерий того, что мы догадываемся верно и можем с пользой для понимания дела сопоставлять внутреннее состояние хотя бы и такого высоко развитого животного, как собака, с самими собой“. „В наших психических опытах над слюнными железами мы сначала добросовестно пробовали объяснить полученные результаты, фантазируя о субъективных состояниях животного — ничего, кроме бесплодных споров и личных, отдельных несогласимых между собой мнений не было достигнуто“.

— „И даже“, — говорит он в другом месте, — „произошел небывалый в лаборатории случай. Мы резко разошлись друг с другом в толковании этого мира и не могли никакими дальнейшими пробами согласиться на каком-либо общем заключении, вопреки постоянной практике лаборатории, когда новые опыты, предпринятые по обоюдному согласию, обыкновенно решали всякие разногласия и споры. Д-р Снарский остался при субъективном истолковании явлений, я же, пораженный фантастичностью и научной бесплодностью такого отношения к поставленной задаче, стал искать другого выхода из трудного положения“.

Этот выход Павлов находит в том, чтобы и при исследовании этих психических явлений остаться на путях и приемах чистой физиологии. Аргументами к такому решению для него служат соображения опять таки физиологического порядка. Все формы так называемой психической деятельности для Павлова являются ничем иным, как только проявлениями наиболее тонкого приспособления организма к окружающей среде, осуществляющимися специальным отделом центральной нервной системы, именно — большими полушариями головного мозга. В этом мнении он опирается на вполне доказанные экспериментальные данные, которые показывают, что все те проявления, которые обычно называются психическими, исчезают вслед за разрушением больших полушарий.

После произведенных экспериментальных удалений больших полушарий поведение высших животных настолько меняется, что вся их высокоорганизованная деятельность, богатая сложными и тонкими реакциями, исчезает, животные становятся беспомощными и инвалидами, не могущими приспособиться даже к самим себе. Тем более у человека видна зависимость его сложнейшей деятельности

с целостью и развитостью больших полушарий : при малейшей поломке, расстройстве в них, наступают серьезнейшие извращения и недочеты, как показывают нервные и душевные болезни. И если дело обстоит таким образом, то очевидно, что ключ к пониманию механизмов этой высшей деятельности лежит в физиологии больших полушарий. — „К сожалению“, — отмечает Павлов, — „до самого последнего времени такой физиологии почти не существовало, кроме отдельных, хотя и капитальных фактов, в распоряжении физиологов не было“. — „Какая же этому причина?“, — спрашивает Павлов¹. — „Причина есть и очень ясная“ — говорит он, — „и заключается она в том, что та деятельность которая производится большими полушариями, рассматривается не с той точки зрения, с которой рассматривается деятельность остальных органов тела и даже других частей центральной нервной системы. Эта деятельность больших полушарий получила название особой психической деятельности, как мы чувствуем, воспринимаем ее в себе и как она предполагается и у животных по аналогии с нами самими. Отсюда положение физиолога получилось в высшей степени своеобразным и затруднительным : с одной стороны, изучение деятельности полушарий, подобно другим частям организма, как-будто его дело, а с другой — выходит, что это есть предмет особой науки, психологии. — Как же быть физиологу? — Может быть, вопрос надо разрешить так, что физиолог должен запастись психологическими методами, знаниями и затем уже приступить к изучению деятельности больших полушарий“. — Ответ на этот вопрос у Павлова решительно отрицательный, и мотивы такого отрицания, высказанные Павловым в разных его статьях, сводятся, с одной стороны, к тому, что современная психология не достигла степени точной науки и не может помочь физиологу в его работе так, как помогают ему физика, химия и другие естественные науки (и скорее физиология может помочь психологии в изучении ею субъективных состояний), а с другой, — то, что учет психических субъективных состояний животных практически невыполним. Следовательно, физиолог должен идти своим путем. Но какими путями идти при создании физиологии больших полушарий и при изучении психической деятельности животных? — Павлов категорически утверждает, что и на пути этого исследования должны быть применены те же методы, которые

¹ Павлов. „Лекции о работе больших полушарий головного мозга“, стр. 13.

применялись и при изучении других отделов мозга, т. е. изучение реакций и установление тех условий, которые обуславливают наступление этих реакций. В состав этих условий входят те или иные раздражители и возбужденные ими мозговые процессы. Следовательно, путь и метод исследования сводятся к регистрации раздражителя, прослеживанию мозгового процесса и учета реакции. Это и есть объективный метод изучения; возможные же при этом субъективные состояния для физиолога должны быть оставлены вне поля исследования. Исходить в своих построениях от этих субъективных состояний — значит, по Павлову, изменить принципу физиологического исследования и взамен не получить никаких надежных фактов.

Вот что по этому поводу говорит И. П. Павлов: „Можно с правом сказать, что неудержимый со времени Галилея ход естествознания впервые заметно приостанавливается перед высшим отделом мозга, или, вообще говоря, — перед органом сложнейших отношений животных к внешнему миру. . . Уже давно физиолог неуклонно и систематически, по строгим правилам естественно-научного мышления, изучает животный организм. Он наблюдает происходящие перед ним во времени и пространстве жизненные явления и старается посредством эксперимента определить постоянные и элементарные условия их существования и их течение. Когда физиолог занимается низшим отделом центральной нервной системы, спинным мозгом, когда он исследует, как организм через посредство этого отдела отвечает на те или иные внешние влияния, т. е. изучает закономерные изменения живого вещества под влиянием тех или других внешних агентов, он остается все тем же естествоиспытателем. Но вот физиолог поднимается до высших пределов центральной нервной системы, и характер его деятельности сразу и резко меняется. Он перестает сосредоточивать внимание на связи внешних явлений с реакциями на них животного и вместо этих фактических отношений начинает строить догадки о внутренних состояниях животных по образцу своих субъективных состояний. До сих пор он пользовался общими естественно-научными понятиями. Теперь же он обратился к совершенно чуждым ему понятиям — к психологическим понятиям, короче — он перескочил из протяженного мира в непротяженный. Шаг, очевидно, чрезвычайной важности.

Чем вызван он? Какое глубокое основание понудило к нему физиолога? Какая борьба мнений предшествовала ему? — На все эти вопросы приходится дать совершенно

неожиданный ответ: перед этим чрезвычайным шагом в научном мире решительно ничего не происходило. Естествознание, в лице физиолога, изучающего высшие отделы центральной нервной системы, можно сказать, бессознательно, незаметно для себя подчинилось ходячей манере думать о сходной деятельности животных по сравнению с собой, принимая для их действия те же внутренние причины, которые мы чувствуем и признаем в себе. Итак, физиолог в данном пункте оставил твердую естественно-научную позицию. Что же он приобрел вместо нее? — Он взял понятия из того отдела человеческого умственного интереса, который, несмотря на свою наибольшую давность, по заявлению самих его деятелей, не получил еще до сих пор права называться наукой. Психология, как признание внутреннего мира человека, до сих пор ищет свои истинные методы, а физиолог взял на себя неблагоприятную задачу гадать о внутреннем мире животных. После этого нетрудно понять, что изучение сложнейшей нервной деятельности высших животных почти не трогается с места“.

Итак, психология, в качестве союзницы, не оправдала себя пред физиологией. И вместо настоящей физиологии, говорящей от самой себя, получился „психологический сколок“, где „психология подсказывала слово за слово, что последняя должна сказать“.

Какие ж пути должна избрать физиология? Ответим на это словами того же Павлова: „При таком положении дела здравый смысл требует, чтобы физиология и здесь вернулась на тот же путь естествознания. Что же она должна делать в таком случае? При исследовании деятельности высшего отдела центральной нервной системы ей надлежит остаться верной тому же приему, каким она пользуется при изучении низшего отдела, т. е. точно сопоставлять изменения во внешнем мире с соответствующими им изменениями в животном организме и устанавливать законы этих отношений“.

Отказываясь по всем этим соображениям от психологических методов в исследовании высшей нервной деятельности, как же расценивает Павлов психические явления? Признает ли он самое существование субъективных явлений? Существование субъективных переживаний, явлений сознания, является для Павлова несомненным фактом, но, стоя на базе психо-физического параллелизма, он относит их к явлениям иного порядка, чем явления физиологические, и поэтому и оставляет их без учета в своих физиологических исканиях. Психологию, как науку о субъективных

состояниях, он признает, но считает ее чрезвычайно мало разработанной, от которой пока физиолог ничего не может получить, и поэтому не обращается к ней за помощью. Как видно из изложенного, концепция Павлова чисто физиологическая; отнеся явления так называемой психической деятельности к функции больших полушарий головного мозга, рассматривая их, как реакции этого отдела мозга на раздражения окружающей среды, он и изучает их, как и все остальные реакции (рефлексы), по одному общему физиологическому принципу, то-есть устанавливая их физиологические механизмы и связь с раздражителем; первой его задачей в этих работах является создание точной „настоящей“ физиологии головного мозга, построенной на принципах самой физиологии, а не психологии.

Особенно необходимо подчеркнуть, что как то объективное направление, которое Павлов развил, а равно и весь предмет своего исследования он нигде не трактует как особый, новый тип психологии, не называет его также рефлексологией, ни наукой о поведении, а весь добытый им материал относит к физиологии больших полушарий головного мозга, о чем свидетельствует изданное недавно систематически изложенное им сочинение „Лекции о работе больших полушарий головного мозга“.

Несмотря на то, что сам Павлов трактует свое учение и весь добытый материал как материал, относящийся к физиологии головного мозга, тем не менее значение его научных трудов исключительной ценности и выходит далеко за пределы физиологии. Как же можно расценить все то, что сделано Павловым? Самое ценное, самое плодотворное и гениальное — это то, что он установил точный физиологический механизм высшей нервной деятельности, той деятельности, которой присуще было наименование психической, то, что он доказал, что механика психорефлекса принципиально с физиологической стороны ничем не отличается от обычного рефлекторного процесса. Он показал как должны исследоваться физиологические механизмы этой высшей нервной деятельности; короче говоря, дал метод и технику исследования. Все огромные остальные достижения уже вытекают из предыдущего, являясь лишь естественным плодом его творческой основной мысли. К этим следствиям относятся следующие кардинальные факты:

1. Создав с помощью своего метода учение об условных рефлексах, он положил начало новой объективной классификации всех рефлекторных проявлений животного организма.

2. Он заложил прочный фундамент „настоящей“ физиологии головного мозга, установив ряд основных законов в работе больших полушарий.

3. Выразив все добытые факты в физиологических понятиях и терминах, он сделал совершенно излишней субъективно психологическую классификацию и терминологию в вопросах физиологии головного мозга.

4. Своими научными исследованиями он укрепил теоретические соображения объективистов, обогатив их конкретными, экспериментальными аргументами.

5. Его труды окончательно завершают борьбу с антропоморфизмом в изучении поведения животных и вызвали настоятельную необходимость в ревизии эмпирической психологии.

VII

Термин „рефлексология“ введен Бехтеревым и впервые появляется в литературе в 1917 году, спустя более десяти лет после появления его „Объективной психологии“ и после работ Павлова об условных рефлексах.

За это время и лаборатория Бехтерева усиленно ведет работу по методу условных рефлексов, но в сфере двигательных¹ реакций, а не секреторных.

За короткое сравнительно время обе школы, особенно Павлова, добыли огромный материал, чрезвычайно ободривший объективистов. Бехтерев делает попытку систематизировать новые факты и на основе их создает свою новую концепцию под именем „рефлексологии“, выдвигая ее, как особую дисциплину. Определяет ее Бехтерев так: „Рефлексология, будучи новой дисциплиной, есть наука о человеческой личности, изучаемой с строго объективной биосоциальной точки зрения. Эта наука представляет собой цикл знаний, к которому человеческое мышление еще не привыкло и который состоит в том, чтобы не только более элементарные, но и все высшие отправления человеческого существа, которые на обыденном языке обозначаются проявлениями чувств, ума и воли, или, выражаясь общее, проявлениями так называемой психической деятельности, иначе „духовной сферы“, рассматривать с строго объективной точки зрения, ограничиваясь, таким образом, только внешними особенностями действий человека, его мимики и жестов,

¹ Метод условных рефлексов в сфере движения был разработан мной в 1908 г. и изложен подробно в моей диссертации „О сочетательно-двигательной реакции на звуковые раздражения“, 1909 г.

голоса и речи, как связной совокупности знаков, в соотношении с теми внешними физическими, биологическими и, в особенности, социальными, а также и внутренними воздействиями в настоящем и прошлом, которые их обуславливают“.

В этом определении, как-будто, не имеется существенных отличий от предмета „объективной психологии“, за исключением того, что вместо слова „психология“ применен термин „рефлексология“. Но зато в других пунктах новой концепции Бехтерев значительно изменяет свои позиции; так, раньше (в „Объективной психологии“) он признавал законность существования наряду с объективной психологией и субъективной, удерживал термин „психический“ и защищал даже самое название „психологии“ как для психологии субъективной, так и для объективной.

Теперь он вместо психической деятельности вводит термин „соотносительная деятельность“, вместо „объективная психология“ — „рефлексология“, и это отхождение от психологии не только терминологическое, но и по существу. Теперь он совершенно отказывает субъективной психологии в праве на самостоятельное существование и даже на звание науки. „Область знания о субъективных процессах, или процессах сознания, открываемых в нас путем интроспекции или самонаблюдения, которыми до сих пор занималась „субъективная психология“ с ее экспериментом, приходившим на помощь той же интроспекции, ни в каком случае не может признаваться отраслью естествознания, ибо в науке главное — метод изучения, а метод естествознания до сих пор был и будет строго объективным“¹. И самое большее, на что может претендовать в будущем субъективная психология, Бехтерев определяет в следующих словах: „Необходимо предвидеть, что в будущем „субъективная“ психология явится только дополнительным знанием, которое свои задачи будет соотносить с данными объективной науки — рефлексологии и только в таком виде субъективный анализ (в смысле словесного отчета) окажет известные услуги научному изучению человеческой личности. Самостоятельно же развивавшаяся до сих пор психология, несмотря на гигантский труд, потраченный на этот предмет в течение огромного ряда лет целой плеядой недюжинных и даже лучших умов человечества, дала, в сущности, лишь сборник более или менее интересных сведений,

¹ Бехтерев — „Основы рефлексологии“, третье издание. Дальнейшие цитаты взяты оттуда же.

но не науку, в праве на название каковой не без основания отказывал „субъективной“ психологии даже не так давно умерший известный психолог и философ Джемс“.

К такому заключению Бехтерев приходит на основании критического разбора как предмета субъективной психологии (явлений сознания), так и ее основного метода (интроспекции). По его мнению, явления сознания возможно изучать лишь на самом себе и применение в этом случае метода интроспекции допустимо, однако, лишь под контролем объективного метода, познание же чужого „я“ ни в коем случае не может претендовать на научную достоверность, так как оно никогда не может быть добыто прямым наблюдением, о нем может составлять лишь суждение. Хотя на основе высказываний другого человека и иных объективных проявлений и возможно воссоздать внутренний мир другого человека, но это воспроизведение может быть лишь в той или иной мере сходным с действительностью, но не тождественным. Аргументируя это последнее положение, Бехтерев подробно останавливается на доказательствах крайней индивидуальности восприятий, неточности и ложности свидетельских показаний, иллюзий, и, в конце концов, указывает, что и сама речь не может обеспечить точную передачу внутренних субъективных состояний, так как слово является лишь символом, простым знаком, который возбуждает лишь сходственные, но не тождественные переживания у разных лиц. Далее, существеннейший недостаток субъективной психологии Бехтерев видит в том, что она не может установить онто- и филогенетических границ того, что она изучает, именно — явлений сознания, и, следовательно, она беспомощна в вопросах эволюции.

Далее, и сам термин „сознание“ является весьма неопределенным и разными психологами трактуется различно: „Один“, — говорит Бехтерев, — „понимает под ним высшие процессы так называемой психической деятельности, возвышающиеся над тем, что относится к области инстинкта; другие — не отказывают в некоторой сознательности и инстинктам; третьи — к сознательным процессам относят все то, что сопровождается субъективными проявлениями. Последние с нашей точки зрения более правы, чем первые, ибо, если самые примитивные процессы в форме чувства и ощущения и вообще все, что относится к так называемым переживаниям не относится к сознанию, то мы рискуем и здесь утратить всякую возможность логического определения, что считать сознательным, а что нет. Даже и более общее определение психической деятельности является

спорным ; так, для одних — психическое тождественно с сознательным ; для других — психическое сливается не только с сознательным, но и с нервными процессами, а некоторые, как мы говорили выше, распространяют психическое даже на неорганические процессы“.

В результате своей критики субъективной психологии как со стороны предмета ее изучения, так и ее метода Бехтерев приходит к выводу, что даже в основных понятиях субъективной психологии все неопределенно и недостоверно, и поэтому изучение личности на такой шаткой почве не может быть ни полным, ни научно обоснованным. Только объективный метод и оперирующая этим методом рефлексология в состоянии, по мнению Бехтерева, дать научно-достоверные знания о личности. Всякая личность поэтому представляет ту или иную ценность в окружающем мире и постольку может быть изучаема, поскольку она проявляет себя в тех или иных действиях ; все, что не выявлено, не может быть ни изучено, ни ценно. Все же действия являются результатом видового или индивидуального опыта, обусловленного структурой и окружающей средой, особенно социальной (у человека). Отсюда ясно, что новая дисциплина, именуемая нами рефлексологией, имеет своей целью изучать человеческую личность путем объективного наблюдения и опыта и путем регистрации всех вообще внешних ее проявлений и внешних же поводов для них в настоящем и прошлом, исходящих из окружающей социальной среды и даже в задатках наследственного характера. Иначе говоря — рефлексология имеет целью изучать строго объективно и во всей полноте соотношение человеческой личности с окружающим миром при посредстве ее мимики, жестов, содержания и формы речи, поведения и вообще всего, чем проявляет себя человек в окружающем мире.

Пользуясь объективным методом, рефлексология, по мнению Бехтерева, с достаточной полнотой и научной достоверностью в состоянии изучать соотносительную деятельность любого существа — как животных, так и человека, младенца и взрослого, здорового и душевно-больного, а также и само общество в его социальных проявлениях. Эти положения составляют, так сказать, положительную часть концепции Бехтерева, которую он и старается обосновать как со стороны содержания, так и философских предпосылок. В эту часть следует включить и его заявление о признании им психики, как существующей реальности, которую он не склонен рассматривать, как случайный, ненужный

эпифеномен; в этом вопросе он как бы остается на той же позиции, какой он придерживался в своей „Объективной психологии“.

Разбираясь в положительной части концепции Бехтерева и сравнивая ее с критической частью, к сожалению, приходится отметить чрезвычайно много противоречий, недоговоренности и расхождения как с собственными же его положениями, так и с положениями иных весьма ценных научных воззрений, в результате чего вся концепция Бехтерева во всей своей совокупности становится весьма неопределенной и расплывчатой, а местами чрезвычайно шаткой и необоснованной, что дает возможность критикам не только нападать на эти слабые места, но неосновательно отрицать целиком и положительные стороны его концепции.

Приведем некоторые из этих неясностей и противоречий; так, утверждая реальность и даже значение явления сознания, особенно подчеркиваемые в „Объективной психологии“, Бехтерев в то же время, указывая на невозможность определить: сознательно или бессознательно какое-либо действие сторонней личности, особенно животных, добавляет: „Но существеннее всего то, что положительное или отрицательное разрешение вопроса не прибавило бы нам ничего к выяснению самого акта... Да и нужно ли решение этого вопроса в целях развития того знания, которое выясняет соотношение тех или других животных с окружающим миром, что только и может служить задачей знания. Скажем ли мы, что это — акт сознательный или бессознательный, от этого ничего в объективном знании не изменится, и это будет только удовлетворением нашей совершенно бесцельной любознательности, ничуть не более“. Такую же несогласованность мы встречаем у Бехтерева и в вопросе о границах сознания. Резко критикуя панпсихистов, он сам в то же время готов признать субъективные явления даже у электрона. Вот места из его критики: „Ничуть не меньше смелого полета фантазии мы встречаем и в вопросе о распространении сознания в природе. Так, Геккель, Ле-Дантек, Петри, Де-ля-Грассери и другие признают психическое, а следовательно, и сознание явлением, присущим каждой клетке и даже молекулам и каждому атому (клеточное сознание, клеточные души, атомные души). Геккель и Де-ля-Грассери, говоря о психике молекул и атомов, создавал „психологию минералов“, другие, как, например, Бергсон, Джемс и целый ряд иных авторов, говорят о „космическом сознании“, а, следовательно, можно было бы создавать „космическую психологию“, что

в сущности и делает Бергсон в своей философии... Но разве субъективный психолог или философ может ограничиться этим в своих научных увлечениях? Ясно, что вопросы „космического сознания“ граничат уже с тем творческим воображением, которое характеризует так называемое вдохновение поэтов“... В другом месте: „Если, пользуясь пресловутым методом аналогии, мы могли бы допустить существование сознания у высших животных, то, постепенно спускаясь по лестнице животного мира, мы в конце концов подойдем к той ступени, когда приходится усомниться в существовании сознания. Всякий ли, например, из лиц, признающих существование сознания у высших животных, будет допускать существование сознания, скажем, у каракатицы, а если кто-либо будет допускать присутствие сознания у этих животных, то, спрашивается, признает ли он присутствие сознания у насекомых? Смелые авторы не найдут в этом ничего такого, по поводу чего следовало бы задумываться“. И, наконец, еще: „Очевидно, что субъективно-психологическое воззрение не удовлетворяет закону эволюции, если оно не может сказать, на каком уровне развития животного царства начинается явление, именуемое сознанием. А если оно будет признавать, что сознание присуще всякой живой клетке и всякому живому существу до растений включительно, то какое основание отрицать, что неорганический мир обладает какой-либо степенью сознания?— Но в таком случае мы переходим уже всякую грань достоверности в своих заключениях“.

Осудив таким образом идею панпсихизма, как же Бехтеров сам разрешает вопрос о границах сознания? Вот, что он пишет по этому поводу: „Став на эволюционную точку зрения, мы должны признать, как уже говорили в одной из своих работ („Сознание и его границы“, Казань, 1885 г.), что под сознанием следует понимать все субъективное, что человек открывает в самом себе. Это определение и более широкое, и в то же время удовлетворяет эволюционному процессу, ибо мы можем производить сложные формы сознания из наиболее простых, например, элементарного чувствования, которое, как мы можем предполагать, лежит в основе более сложных форм сознания и которое должно быть первичной формой сознания вообще. При этом мы можем предполагать, что субъективное, или психизм, неразрывно связано с жизнью, в какой мере последняя проявляется раздражительностью... Мы можем предполагать, что живой одноклеточный организм, проявляя раздражительность

должен проявлять и субъективное, хотя бы в совершенно элементарной и безличной форме“.

В другом месте, где он рассматривает все явления неорганического, органического и социального мира с энергетической точки зрения, он высказывается следующим образом: „А если это так, то и внутренняя сторона явлений, которую мы открываем в самом себе путем интроспекции, не должна быть принадлежностью одного человека и ему подобных существ — животных. В той или иной форме, пусть даже самой примитивной или хотя бы в потенциальном виде, она должна быть и принадлежностью растительного царства, и принадлежностью неорганической природы во всем мировом пространстве. Весь мир развивается, непрерывно изменяясь и в то же время подчиняясь одним извечным основным законам, общим для всей вселенной и для каждой из ее частей до электрона включительно“...

Нужно ли говорить, что если своей критикой Бехтерев отрицал идею панпсихизма, то последними своими положениями он явно утверждает эту идею. Вопрос еще более затмевается, когда Бехтерев подходит к выяснению объективного критерия явлений сознания и причин, обуславливающих их появление. В „Объективной психологии“ он категорически утверждал, что объективным признаком психического является наличие прошлого индивидуального опыта (см. выше), теперь же в „Основах рефлексологии“ он столь же категорически отрицает этот критерий, а равно и наличие нервной системы он не согласен признать таким критерием, и, как мы только что показали, готов допустить психическое во всем мире, в каждой клетке и даже электроде. Но наряду с этим, в других местах своего сочинения он связывает субъективное то вообще с раздражительностью животных тканей, то, в частности, только с нервно-мозговыми процессами, особенно при условии их торможения. „Прежде всего мы должны признать“ — говорит Бехтерев, — „что все психические процессы суть мозговые процессы (курсив наш, В. П.); в основе которых лежит движение нервного тока. Но нервный ток в действительности — есть уже энергия, причем мы имеем все основания говорить о трансформации известных нам энергий, действующих на внешние и внутренние поверхности тела, в нервный ток и о превращении последнего в молекулярную работу мышц, которая, в свою очередь, переходит в механическую работу. То, что относится к субъективному, или психическому процессу, повидимому, представляет собою результат более высокого напряжения той же энергии, как бы ее свойство проявлять

самое себя при соответствующих условиях. Это более высокое напряжение энергии происходит обычно в том случае, когда процесс, достигая высших мозговых центров, подвергается торможению". — И в других местах мы встречаем повторение этих же воззрений на энергетическую природу психического, обусловленную нервным током. Например: „Эта энергия, достигая известного напряжения в центрах при возрастании препятствия к ее движению, сопровождается субъективными проявлениями, не переставая быть нервным током“. В другом месте его труда мы читаем: „Мысль и вообще субъективные переживания должны быть понимаемы, как задержанные рефлексy“ и т. п. Спрашивается, если субъективное, психическое, связано лишь с нервным током, развивающимся в нервно, мозговых проводящих системах, то как же тогда связать с этим утверждение Бехтерева, что субъективное должно предполагаться в каждой элементарной животной клетке, даже в неорганическом мире вплоть до электрона — ведь, у всех этих последних образований не существует вовсе нервной системы?

Помимо противоречий с самим собою, Бехтерев в своей концепции вступает в противоречие с основными положениями марксизма и диалектического материализма. К этому его приводят попытки энергетически обосновать все явления природы как неорганической, так и органической, а также и социальной жизни, и односторонность в пользовании эволюционной точкой зрения. Свои энергетические положения он высказывает, следующим образом: „Согласно новейшему воззрению, материальный мир построен из положительных и отрицательных электронов, при чем последние в атомах вращаются вокруг положительного ядра по орбитам наподобие планетной системы... Таким образом, все философские взгляды прежнего времени, строившие свои воззрения на основе противоположения силы и материи, отпадают. Материал, изучаемый физикой и химией, в существе своем оказывается как бы фикцией, ибо на место атомов имеется связанная энергия и при этом энергия огромной силы, которую мы не можем получить вследствие относительно малой сопротивляемости лучших изоляторов... И когда мы доведем свой анализ до конца, то мы должны признать одну основную и первичную силу всего сущего, которую мы обозначаем именем энергии. В понятии же энергии мы имеем представление о разных проявлениях движения... Мы удовольствуемся определением энергии, как движения, и не войдем в дальнейший анализ вопросов... Виды энергии, принимаемые физикой, представляются различными,

но в числе их должна быть поставлена и молекулярная энергия сложных и крайне подвижных коллоидальных образований живой материи, производными же этой молекулярной энергии и является нервный ток и так называемые нервно-психические или, объективно выражаясь, мозговые процессы“.

Итак, Бехтерев основу всего сущего видит в энергии, в движении, материя же является фикцией, как бы производной энергии. Это положение коренным образом расходится с основными положениями материализма, который не мыслит движения без материи и материю без движения, и само движение представляется лишь одним из свойств материи, а все, что именуется психическим, сознанием, субъективным,—является лишь также свойством материи (высоко организованной) и не может быть ни сводимо к движению, ни выводимо из него¹. С другой стороны, распространяя границы субъективно-психологического вплоть до электрона, и выводя эволюционно сложные формы сознания из примитивных, он противоречит диалектическому материализму, согласно которому новые качества появляются в результате количественного усложнения материи неожиданно, скачкообразно, наподобие револьверного выстрела.

Далее, энергетическая концепция Бехтерева приводит его к противоречию и с основными положениями марксизма. Опираясь на свои энергетические воззрения, Бехтерев пытается доказать, что все явления неорганической и органической природы, а равно и социальные, могут быть выведены и объяснены на основе одних и тех же космических или механических законов (тяготения, отталкивания, энергии и т. д.). Он говорит: „Введение этого объективного биологического метода в область изучения человеческой личности в связи с энергетическим воззрением на ее проявления дает обоснование и к применению такого же метода к общественной жизни человека, что мною представлено в другой книге под названием „Коллективная рефлексология“. При этом, что особенно существенно, введение объективного биологического исследования в эти области знания дает возможность установить, что та закономерность явлений, которая имеет место во всех физико-биологических процессах, может быть установлена и по отношению к личности человека и его общества *и при том в подобной же форме* (курсив наш. В. П.)... Вместе с этим

¹ См. журнал „Под знаменем марксизма“ №№ 3, 4, 5, 1926 г., где этот вопрос достаточно полно освещен в полемике Корнилова со Струминским.

мы приходим неизбежно к выводу, что мировой процесс, состоящий в постоянном превращении энергии и представляющий собою в объективном изучении непрерывную цепь все более и более усложняющихся взаимоотношений вещества, являющийся связанной формой той же энергии, осуществляется *по одним и тем же основным принципам* (курсив наш, В. П.), будет ли он проявляться в движении небесных тел и процессах, в них происходящих, в процессах мертвой и живой природы нашей земли и, в частности, в жизни и проявлениях самой человеческой личности, и, наконец, в обществе людей, или так называемом надорганическом мире, со всей сложностью его внешних соотношений¹. Изложенные в приведенной цитате воззрения никак не могут быть согласованы с основными положениями марксизма, согласно которым законы социальных явлений могут быть устанавливаемы из анализа экономических отношений и состояния производительных сил, но никак не на основании биологии или тем более физики и механики, и поэтому законы общественной жизни и не могут быть выражены в „подобной же форме“, как законы неорганической и даже органической жизни. Необходимо указать, что сам же Бехтерев в других местах предостерегает от попыток механического объяснения деятельности человека и высших животных и резко критикует Loeb'a и других механистов, пытающихся рассматривать поведение и высших животных с точки зрения тропизмов и таксисов.

Не останавливаясь более на подобных противоречиях концепции Бехтерева, тем более, что эти противоречия и неясности подробно указаны и другими авторами¹, добавим только, что не следует из-за этих спорных мест упускать ценность основной идеи Бехтерева, направленной к обоснованию и защите объективного метода в изучении личности. Выставив объективный метод, как основную идею в своей „Объективной психологии“, Бехтерев и в „Основах рефлексологии“ остается убежденным сторонником этой же идеи, но его новая концепция отличается от прежней тем, что, как выше указано, теперь он упраздняет субъективную психологию, как самостоятельную дисциплину, и мыслит ее, как добавочную часть рефлексологии, и сверх того считает возможным в круг рефлексологических исследований включить и социальные явления, примером чего

¹ См. Франкфурт — „Рефлексология и марксизм“, Челпанов — „Объективная психология в России и в Америке“, Корнилов — „Современная психология и марксизм“.

служит его „Коллективная рефлексология“. Насколько такое расширение рефлексологии правильно, мы будем говорить значительно дальше, а теперь перейдем к рассмотрению того, как отразилось развитие объективного метода в исследовании личности на судьбе эмпирической психологии и какую реакцию оно вызвало со стороны психологов.

VIII

Широкое распространение идей объективистов, настойчивая их критика предмета эмпирической психологии и ее метода, богатейшие данные, полученные по методу условных рефлексов, не могли не вызвать отклика со стороны психологов. Открылась широкая дискуссия как у нас, так и в Америке, отчасти и в Германии, и так как было бы слишком затруднительно представить во всем объеме относящуюся к этому вопросу литературу, то я ограничусь изложением лишь в самом сжатом виде материала, касающегося результатов этой дискуссии у нас.

Еще после выхода „Объективной психологии“ Бехтерева появились возражения со стороны московских психологов и философов (см., например, статью Щербины в журнале „Вопросы философии и психологии“ за 1908 г.), но особой остроты тогда полемика не достигала, тем более, что и Бехтерев тогда держался довольно примирительной позиции в отношении субъективной психологии и находил даже, что субъективная психология сделала за последнее время замечательные успехи¹.

Иное положение наблюдается за последние пять-десять лет, когда успехи, достигнутые Павловым, стали известны во всем мире, появился в печати его „Двадцатилетний опыт“, вышли „Основы рефлексологии“ Бехтерева, психология Watson'a, образовались специальные журналы американских бихевиористов и т. д. Термин „рефлексология“ у нас проник в широкие слои общества и стал чрезвычайно модным.

В научных кругах психологов идеи объективистов, однако, были встречены различно и вызвали, можно сказать, среди них раскол. В то время как одни остались верными традициям эмпирической психологии, другие присоединились к объективистам и выступили против традиционной психологии.

Первые, во главе с Челпановым, защищают как право на самостоятельное существование эмпирической психологии,

¹ Бехтерев — „Что такое объективная психология“. „Вопросы философии и психологии“, книга 99.

так и ее предмет (явления сознания) и подтверждают, что интроспективный метод должен остаться основным методом в психологии. Никакой объективной психологии нет и быть не может, так как самый этот термин является противоречивым понятием. Что касается объективного метода, то таковой имеет место и в эмпирической психологии, но под ним нужно разуметь исследование *чужой душевной жизни*. Тот же объективный метод, которым оперирует рефлексология и бихевиористы, возможен лишь с применением психологических понятий, почему он и не является строго объективным. Рефлексология, бихевиоризм и учение об условных рефлексах могут быть отнесены или к физиологии нервной системы, или—самое большее—к психофизиологии, и в этом последнем случае должны составить лишь часть эмпирической психологии, но никак не могут иметь значения самостоятельных дисциплин, а тем более — заменять психологию. Рефлексология в редакции Бехтерева будто бы не содержит в себе ничего принципиально отличного от старой эмпирической психологии, а потому термин „рефлексология“ должен быть вовсе упразднен и заменен термином „психорефлексология“.

Таковы в общих чертах возражения, выдвинутые Челпановым¹ против всех объективистов. Но эти возражения в значительной степени теряют свое значение из-за того, что Челпанов в общих своих выводах объединяет всех объективистов в одну группу „рефлексологов“ (включая сюда и отошедших от него психологов). Затем недостаточно четко отделяет критику объективного метода от концепций разных авторов, выдвигающих этот метод, далее приписывает им такие утверждения, которые они вовсе и не высказывают, и направляет поэтому свои возражения против несуществующих утверждений; так, например, он доказывает слабость и ненаучность позиций объективистов на том основании, что все они будто бы отрицают реальность сознания, пытаются свести психические явления к физиологическим (в смысле отождествления), предлагают заменить психологию физиологией и т. п., — в то время, как мы видели выше, оснований для подобных утверждений Челпанова совершенно не имеется. И особенно досадным недочетом являются неточные цитаты, приводимые Челпановым, так как приведенные в неправильном виде они извращают взгляды объективистов и подкрепляют как бы возражения Челпанова. Так, например, он пытается доказать, что по

¹ Челпанов — „Объективная психология в России и Америке“ 1925 г.

методу Павлова нельзя изучать таких психологических процессов, как: сознание, мысль, воля и т. д. и что Павлов не прав, когда он говорит, что он изучает эти процессы. При этом Челпанов приводит „цитату“ из Павлова: „Мы подходим к таким процессам, как сознание, мысль, воля“. Помимо того, что и страница, и название статьи, на которую ссылается Челпанов, перепутаны, и вся цитата не соответствует действительности¹, Павлов² говорит не о том, что он исследует субъективные психические явления, мысль, сознание, а ту нервную деятельность, которая, по психологической классификации, соответствует этим терминам.

Затем, для окончательного закрепления позиций эмпирической психологии Челпанов пытается показать, что все попытки объективистов (рефлексологов) приводят лишь к вульгарному материализму, а эмпирическая психология находится в полном соответствии с основными положениями и духом марксизма³. Всю искусственность этих утверждений не нужно доказывать, тем более, что этот вопрос вполне исчерпан в статье Корнилова⁴. Таким образом, Челпанов остается на защите эмпирической психологии, его же возражения против объективистов мало могут разъяснить существо вопроса, как направленные в значительной части не по существу.

В противоположность Челпанову другие психологи во главе с проф. Корниловым, категорически утверждают, что необходима решительная ревизия основ и содержания эмпирической психологии. Психология в том виде, как она существовала до сих пор, или должна прекратить свое существование или совершенно видоизмениться. Из умозрительной философской науки она должна стать естественно-научной дисциплиной.

Корнилов утверждает, что основным недостатком старой психологии, даже так называемой эмпирической психологии „без души“, является явное или скрытое выделение объекта ее изучения — явлений сознания — в нечто резко отличное от прочих материальных явлений; противоположение „духа“ и „материи“ лежит в основе современной психологии. Он говорит⁵: „если мы возьмем даже и так называемую эмпирическую психологию, то основным присущим ей элементом всегда является резкое коренное разграничение психического

¹ „Объективная психология в России и Америке“, стр. 46.

² Павлов — „Двадцатилетний опыт“, стр. 182. Изд. 1923 г.

³ Челпанов — „Психология и марксизм“. Отдельное издание 1924 г.

⁴ Корнилов — „Сборник „Психология и марксизм“, 1925 г.

⁵ Корнилов — „Современная психология и марксизм“, стр. 6, 1924 г.

от материального — духа от материи. Иначе говоря, дуализм психического и физического — это основная предпосылка всякой, даже и так называемой эмпирической психологии, дуализм, открыто выявленный в старой метафизической психологии, и скрытый, завуалированный в эмпирической психологии¹. И первым шагом в реконструкции психологии должно быть, по мнению Корнилова, окончательное уничтожение этого дуализма и материалистическое толкование психических явлений в духе материалистического монизма.

Установление для новой психологии материалистической точки зрения на психические явления, как на свойство высокоорганизованной материи, тем самым должно повести к коренному изменению и ее методов. В новой психологии основным методом должны быть объективное наблюдение и эксперимент. Что же касается метода самонаблюдения, игравшего первенствующую роль в старой психологии, то ему должна быть предоставлена лишь второстепенная роль и только лишь под контролем объективных данных. Как расценивает Корнилов значение метода самонаблюдения, видно из следующих его слов¹: „Наблюдать себя — это значит воспроизводить, а всякое воспроизведение неточно. Наблюдать себя — это значит макроскопически схватывать лишь рельефы, не имея возможности схватить всех деталей. Наблюдать себя — это значит неудачно охотиться за словами, которые точно передавали бы переживания. Наблюдать себя — это значит логизировать, а не описывать свои наблюдения непосредственно. Наблюдать себя — это значит самовнушать себе то, чего не было в опыте. Наблюдать себя и возводить свои субъективные высказывания в основной психологический метод — это значит забывать о бессознательной сфере, которая шире сознательной. Возводить наблюдение самого себя в основной метод психологии — это значит игнорировать психологию животных, психологию ребенка, психологию душевнобольных, у которых самонаблюдение часто невозможно, или не может быть использовано“.

Крупнейшим недостатком старой психологии Корнилов считает и то, что объектом своего изучения она избрала психические явления вне их связи с обуславливающими их физиологическими процессами, и коренное отличие новой психологии заключается в том, что она должна поставить своей целью изучение не одних лишь явлений сознания, а всего поведения в целом.

¹ Там же, стр. 65.

Таким образом, мы видим, что Корнилов резко отмежевывается от прежней эмпирической психологии и полагает, что настало время создать новую психологию, которая будет изучать не одни явления сознания, а цельное поведение. Но такое построение новой психологии возможно, по его мнению, лишь на основе марксизма. Новая марксистская психология, таким образом, будет отличаться от старой психологии как в своих философских предпосылках, так по содержанию и методам. Несмотря на то, что в своей критике эмпирической психологии Корнилов высказывает в еще более категорической форме те же доводы, которые до него высказаны уже были и другими объективистами (Watson, Бехтерев, Павлов), он тем не менее не считает возможным целиком присоединиться ни к одному из этих объективных направлений, хотя и признает большие заслуги и научное значение каждого из них. Корнилов полагает, что как бихевиоризм, так и рефлексология страдают узким биологизмом и недооценкой социальных факторов в трактовке поведения, а сверх того, слишком недооценивают психику „со всем своеобразием ее явлений“. Поэтому он считает, что только диалектический синтез этих двух противоположных систем — эмпирической психологии и рефлексологии, — очищенных от их недостатков, обеспечит создание истинной научной психологии, каковой и является грядущая марксистская психология.

Посвятив предварительно несколько статей критике эмпирической психологии и своим воззрениям на построение новой марксистской психологии, Корнилов в 1926 году выпускает как первый образец такой новой психологии, свой „Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма“. Каково же содержание его и чем оно отличается от эмпирической психологии, с одной стороны, и от рефлексологии и бихевиоризма — с другой?

Автор определяет следующими словами предмет новой психологии: „Что же будет являться предметом современной психологии? Может быть, отдельные явления сознания, как это делала прежняя психология. Нет, этого признать никак нельзя, так как это значило бы вырвать психику из целого ряда других жизненных функций организма, оторвать ее от физических и физиологических процессов, субъективной стороной которых она является. Это было бы неправильно не только теоретически, но это сделало бы бесплодной психологию и практически, ибо сами по себе субъективные состояния, вне своей объективной стороны, с которыми они неразрывно слиты воедино, не существуют, и потому не имеют никакого значения“.

И поэтому новая психология избирает своим предметом иное содержание, а именно: *изучение всего многообразия реакций человека, т. е. его внешних проявлений вместе с субъективным переживанием их в сознании и составляет предмет современной психологии*. А так как совокупность всех этих проявлений человека можно кратко обозначить термином *поведение*, поэтому *предмет психологии можно также определить, как изучение поведения человека в окружающей среде*.

Эту общую формулировку предмета изучения новой психологии Корнилов далее уточняет следующими тремя задачами: 1) „выяснение системы *раздражителей*, которые воздействуют на человека; 2) вскрытие механизмов, которые имеются в человеческом организме и которые регулируют различные формы поведения и 3) описание тех ответных *движений*, которыми человек реагирует на воздействие окружающей среды“.

Из приведенных ссылок мы видим, что вопросы, которые выставляет для своего изучения новая психология, совсем иные, чем были в эмпирической психологии. И если к этому добавить, что и методы ее иные и предпосылки — то несомненно, что отличия настолько радикальны, что несколько странным звучит наименование этой новой дисциплины „психология“. Почему автор, взяв совершенно новое содержание, удерживает старое наименование — ничем им не аргументируется. К этому новому содержанию гораздо более подходило бы другое наименование, введенное самим же Корниловым, именно, — реактология, тем более, что оно вполне соответствовало бы тем трем конкретным задачам, которые он устанавливает для этой новой психологии. Эти три задачи можно ведь выразить более просто, как изучение реакций организма и их физиологических механизмов.

Но ведь, как видно из изложенного выше, эту же задачу поставили перед собой раньше и бихевиоризм и рефлексология. Каково же отличие новой психологии, выдвигаемой Корниловым, от последних двух направлений?

Просматривая его учебник, мы видим, что по фактическому материалу, представленному в нем и касающемуся описания реакций и их механизмов, основными фактами здесь являются те, которые разработаны физиологами и рефлексологами.

Но наряду с этим сходством имеются и отличия как от бихевиористической психологии Watson'a, так и от рефлексологии Бехтерева.

Эти отличия касаются не столько содержания, сколько тех отправных предпосылок философского характера, с которыми подходит Корнилов к изучению поведения. В то время

как Watson считает совершенно бесполезным изучать явления сознания и готов вовсе отрицать их существование, Корнилов не только утверждает их реальность, но и подчеркивает необходимость вести исследования реакций не только в их объективных проявлениях, но и их субъективную сторону. С Бехтеревым Корнилов расходится по другим принципиальным вопросам. В то время как Бехтерев и биологические явления (реакции) и социальные явления (законы общественной жизни) пытается объединить и свести к законам механики и физики, Корнилов отделяет социальную сторону в поведении от биологической и предоставляет им самостоятельное значение.

Изложением приведенных нескольких научных течений, возникших в последнее время, как выражение нового направления в исследовании личности, мы и ограничимся. Мы не будем касаться воззрений ряда других авторов, так как это отвлекло бы далеко в сторону от основной нашей задачи — рассмотреть вопрос о том, как следует мыслить построение науки о поведении.

В самом начале нашего изложения мы указывали, что до сих пор не было такой отдельной науки, которая имела бы исключительное право называться наукой о поведении. Но приведенные сейчас новые дисциплины, называющие себя науками о поведении, могут ли рассматриваться, как зародыш будущей единой науки, или же они должны войти как составная часть в цикл наук, в совокупности лишь могущих выполнить задачу установления законов поведения? Но для ответа на этот последний вопрос, являющийся основным вопросом нашей работы, нам раньше следует детально остановиться на выяснении того, в какой степени являются научно-обоснованными основные позиции приведенных выше концепций и особенно их метод.

В первую очередь мы должны установить, действительно ли научно возможен объективный подход к изучению поведения личности и особенно той ее деятельности, которой присуще наименование психической, как сопровождающейся субъективными переживаниями, так называемым сознанием. Возможно ли в действительности применять метод объективного исследования без учета самого сознания к деятельности последнего рода и какого характера данные можно получить при этом исследовании?

Разбору этого кардинального вопроса о научной обоснованности метода и результатах его применения будут посвящены две следующие главы.